

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Александр КАРАСЁВ

ЧЕЧЕНСКИЕ РАССКАЗЫ

БОЛЬШАЯ СБОРКА - ВОЙНА И МИР

18+

Александр Карасёв

**Чеченские рассказы.
Большая сборка. Война и мир**

«Автор»

2023

Карасёв А.

Чеченские рассказы. Большая сборка. Война и мир / А. Карасёв — «Автор», 2023

В этой книге известный цикл Александра Карасёва "Чеченские рассказы" обрамлён лучшими "нечеченскими" произведениями автора, составившими две "мирные" части книги. "До и после" Чечни. С новыми сюжетными линиями и героями. Все части книги связаны между собой, что позволяет отнести её к жанру "роман в рассказах". Жизненные пути двоюродных братьев Миши Кудинова и Севы Мызникова, в счастливом советском детстве играющих в саду своего непростого деда, от рассказа к рассказу разворачиваются на пространстве книги. Судьбы героев ведут читателя в Советскую армию, Иностраннный легион, окопы чеченской войны и Петербург.

© Карасёв А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

От автора	6
ЧЕЧЕНСКИЕ РАССКАЗЫ	7
ПРОЛОГ	8
Часть первая ∞∞ ПРЕДАТЕЛЬ	10
Глава 1	10
Глава 2	13
Глава 3	16
Глава 4	24
Глава 5	26
Глава 6	30
Глава 7	32
Глава 8	34
Глава 9	36
Часть вторая ∞∞ ЧЕЧЕНСКИЕ РАССКАЗЫ	41
Глава 1	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Александр Карасёв
Чеченские рассказы.
Большая сборка. Война и мир

От автора

За несколько лет моей литературной работы выяснилось, что рассказы тяготеют к слиянию в единый текст. Первая не слишком удачная попытка такого текста была проделана в 2011 году – книга «Предатель» (сейчас это название осталось за сборником военных рассказов). Там было много работы по подгонке (часто искусственной) рассказов одного к другому и получился всё равно сборник рассказов, – по крайней мере, так эта книга воспринималась и читалась.

Потом были написаны ещё несколько рассказов и повесть «Меридиан силы». После появления рассказа «Духовная жизнь» я увидел этот естественный единый текст. Сначала я даже думал, что он называется «Война и мир». И что больше никак его назвать невозможно.

Я не знал, что делать с таким сложным названием, но потом понял, что это только и определённно «Парк Победы».

Снова понабилась, конечно, техническая работа по соединению рассказов, написанных в разные годы, но работа эта минимальна – рассказы сложились сами, став главками книги (я думаю, что это роман), каждая строго на своём месте.

ЧЕЧЕНСКИЕ РАССКАЗЫ
БОЛЬШАЯ СБОРКА – ВОЙНА И МИР
(роман в рассказах «Парк Победы»)

Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их. (Мф 7:13—14)

ПРОЛОГ МАРГИНАЛ

Я тогда служил в полку ВВ. Только устроился в часть и ездил с каким-то поручением в штаб округа. Запомнился мне человек в поезде. Не знаю почему. Бывает, сотни таких попутчиков мимо тебя пройдут, и ни лица не запомнишь, ни говорили о чём. Но что-то мне в его истории запало, и долго потом я над ней размышлял.

Ему было лет тридцать пять. По виду и по разговору с высшим образованием – не рабочий просто. С плешью, скорее светловолосый, и такой, общительный, с улыбкой, то ли добродушной, то ли хитровой. Потом я стал примечать людей этого типа – интересно, что похожие внешне люди и ведут себя похоже.

Ехали мы в одном плацкарте, вагон был полупустой. Он завёл разговор. Я больше молчал и думал о своём, но постепенно меня заинтересовала история попутчика, и я передаю её так, как она мне запомнилась, в тех же, по возможности, выражениях.

Колёса приятно стучали, я заметил: когда ты в армии, нравится, как стучат колёса поезда, они убаюкивают душу. Потрясывало. За окном было черно, в вагоне мерцал слабый свет. Я был взбудоражен первой неделей в части, и спать не хотелось. Незаметно для себя я стал слушать.

– ...Этот пацан был нового типа. Он нигде не работал... Нет, чем-то там таким он занимался и жил нормально. Но на работу никуда не ходил... Он хорошо знал интернет и в этой мутной воде мог вылавливать кое-какой куш. Ещё он спекулировал деталями на компьютер. Но поражало в нём не это...

Он был высокий такой, худой, носил всё время потёртый кожаный пиджак и косичку, знаешь?.. Не курил табак, но покуривал травку – у меня нюх намётан на это дело... Не пил водку, но пил пиво... В общем, был маргиналом.

Да что здесь такого?.. Подумаешь, не работает – на шее же ни у кого не сидит, квартиру снимает, сам питается и одевается. Но...

Он не смотрел телевизор (здесь попутчик сделал многозначительную паузу и удивлённо уставился на меня) ... То есть вообще не смотрел... У него и не было телевизора... Мне это было хорошо известно, я тогда жил на одной с ним лестничной клетке и один раз заходил в его квартиру.

Был я его всего лет на пять-шесть старше, но при нём чувствовал себя человеком совсем дремучим, с устаревшими взглядами, – как случайно не успевший вымереть мамонт. Раздражал он меня первое время страшно... Вот как, например, можно не знать, что у тебя такого вот числа зарплата, а такого – аванс?

Да пусть хоть всё сверзнется! хоть дефолт! хоть землетрясение... но ты знаешь, что не оставят тебя без копейки!.. А стаж опять же? а пенсия потом?.. Да что тут говорить...

Помню, перекинулись мы тогда с ним парой слов, я у него табуретки для гостей брал.

– Как жизнь? – говорю, для завтрака вроде как.

– Нормально, а твоя?

– Да какая жизнь, – говорю, – работа одна.

– А ты брось такую работу и живи.

Нет! Понимаешь? – брось и живи...

Поражало меня его отношение к людям и к жизни вообще... Парень этот никогда ни с кем не заговаривал. Если кто обращался к нему, отвечал так... рассеянно – как будто издали... Не видел я, чтобы у него были друзья... Иногда он водил подвыпивших девиц... Тогда мне

за стеной было слышно, как и он смеётся... Только через стену я слышал его смех – неприятный такой, отрывистый...

И ни разу одна и та же тёлка не явилась к нему второй раз. Это не проститутки были. Слишком они у двери смущались. И от этого гоготали и матерились. Проститутки всегда культурно себя ведут – как аристократки, знаешь?.. Не так чтобы часто, но регулярно он с ними отвисал.

Я тогда ещё с первой женой не развёлся... Женился я рано, сразу после армии, и она у меня к тому времени сильно расползлась и заплыла жиром. И, понятное дело, у меня от этих смехов и охов за стеной слюнки текли.

Интересно было, конечно, с таким человеком странным пообщаться. Я раз его даже пивом пытался угостить, но он отнекнулся. «Некогда», – говорит. А сам в тот же вечер и пил пиво, только с девчонкой... И девок водил, главное, симпатичных – из тех, что я видел.

Да у нас в городе, конечно, это не трудно – студенток море из колледжа. Какую хочешь выбирай. Даже в советское время. Что уж сейчас говорить...

Что я самое главное хотел рассказать...

Уже незадолго до того, как он с квартиры съехал, умер у него отец. А родители его, уже пожилые, недалеко жили, через улицу. И мать его пришла, надрывно убивалась, всем нам, соседям, раздавала всякого – что обычно. А меня попросила гроб нести... Я не мог отказаться, хоть я и не люблю этих покойников... ещё с армии, когда у нас один солдат повесился, а я был дневальным, и мне его пришлось снимать. И вообще я похорон не любил никогда. И я бы отказался, если бы заранее причину придумал. Но эта женщина меня своим надрывом и слезами врасплах застала.

Ну, ничего, конечно, со мной страшного не случилось там. На покойника просто старался особенно не смотреть. И вот парень вот этот, что меня больше всего тогда поразило, у гроба, и даже у самой могилы, совершенно спокойно себя вёл... Нет, то, что он не плакал, это нормально – это по-мужски. Но видно, когда человек сдерживается изо всех сил, сам переживает, а этот такое лицо имел... как всегда. И вообще держался так, как будто пришёл на скучное собрание по поводу побелки бордюров возле дома, представь...

Нет, так он и мать под руку вёл, и выпил со всеми. И когда уже разговор посторонний пошёл, и среди не близко знавших соседей уже смех стал появляться, после выпитого, он встал и ушёл в свою квартиру.

Я потом думал, может, не родной он сын... Или отчим, или приёмный... Но теперь понимаю: просто он такой человек был – безразличный ко всему. Даже к смерти своих собственных родителей. Такого вот нового типа человек. А сейчас таких много стало...

Я тоже был лет на шесть моложе своего попутчика.

После Чечни я купил квартиру и зажил почти так же, как жил парень, названный маргиналом. Я стал спокойно относиться к смерти, даже близких людей, и когда старался изобразить на лице гримасу утраты, сам себя за это ненавидел.

Часть первая ∞∞ ПРЕДАТЕЛЬ Миша Кудинов, Сева Мызников, появление Петрова, история Сенчина

Глава 1 БОРЗЯКОВ

В июне сорокового года Бессарабия и Северная Буковина отходили от Румынии к Советскому Союзу. В это время Первый румынский танковый полк перебросили из Трансильвании на новую границу, в город Рени. Танкисты разместились в старых кавалерийских казармах на южной окраине города.

В полдень полковой командир Лупий, отчитав за низкую исполнительность начальника штаба, вяло смотрел, как муха колотится о стекло. За окном запылённые R-2¹ вползали в ворота, разворачивались, выстраиваясь в ряд. Суб-лейтенант Борзяков спрыгнул на землю и принимал доклады командиров машин. Муха ткнулась в пустоту форточки, выпорхнула. У Лупия зазвенело в ушах от тишины. Он грузно потянулся, зевнул и распорядился позвать Борзякова.

Борзяков полирнул щёткой свои бизоньи сапоги на застёжках, в кабинете полковника щёлкнул каблуком, вытянулся.

– Вы, Борзяков, хороший офицер, – сказал Лупий, – вы русский, родом из Бессарабии, и я понимаю ваши чувства, но скажу вам по большому секрету... Так вот... Не только Бессарабия, но и Одесса! скоро будут румынскими. Не зря мы здесь и усиленно занимаемся боевой учёбой на наших танках. Не отчаивайтесь и служите спокойно.

Ничего себе спокойно... Со своими воевать... Да если бы хоть танк был как танк, – смех же один: не броня – фольга. Трясёт в башне, к дьяволу... На ходу из пушки приловчился бить в щит один Думитреску... А Борзякову нечего и мечтать о такой виртуозности. В школу офицеров резерва он попал только потому, что выучил наизусть таблицу с латинскими буквами, скрыв сильную близорукость.

На занятиях по механике танка мотор и трансмиссия не шли в голову. Борзяков путался. Наконец, доверив силовую передачу плутонеру, он направился в роту и сказался больным.

Солнце тяжело висело в прозрачном небе. Невысокие домишки жались в зелень акаций. Рени нравился Борзякову. Провинциальным уютом он напоминал родные Бендеры. Впрочем, сейчас мысли офицера занимало другое. Борзяков вздрогнул от треска мотоциклетки, остановился, машинально толкнул стеклённую дверь парикмахерской.

«Тем, кто хочет жить в Бессарабии, дают три дня, чтобы выехать из Румынии. Но я в армии, меня это не касается. А если и правда начнётся война?.. Откажешься выполнить приказ – расстрел! Получишь приказ, попрёшь в составе режима как миленький, и весело превратишься в головешку... Перейти к русским сразу не удастся... Да и на кой чёрт мне это надо!..» – так размышлял офицер, в то время как проворный брюнет намазывал его щёки помазком и высвобождал опасной бритвой розовые дорожки кожи.

Борзяков не чувствовал особенного призвания к военному делу. В русской армии, возможно, он служил бы с большим подъёмом. А здесь, в Румынии, он отбывал воинскую повинность, без всякой перспективы вернуться в Россию. И вдруг – надежда.

¹ См.: Примечания.

Выстроился план – простой и изящный.

«Завтра последний день, когда ещё можно выехать, но завтра начнётся подготовка к смотру, и солдат не бросишь ни под каким видом...»

– *Periculum est in mora*...²

– Что?.. господин офицер? – не понял парикмахер.

– Нет... ничего...

Надо сказать, Борзяков умел выкручиваться из самых отчаянных ситуаций. В офицерской школе с ним в одном взводе учился вертлявый маленький Осну. Он подтрунивал над Борзяковым, расспрашивая о жизни в советской России, – будто Борзяков вчера вернулся из отпуска, проведённого в Москве... Борзяков пытался отшучиваться, уязвить в ответ, но только в бессилии сжимал зубы. Однажды Осну, сидя на подоконнике в туалетной комнате, сделал непристойный жест и назвал Борзякова «рус большевик». Все, кто был в уборной, заготали.

Борзяков бросил в урну окурки папиросы, подошёл к Осну и вышиб его кулаком в открытое окно.

Происшествие довели до сведения руководства школы. Борзякову грозило отчисление и служба солдатом в пехотной дивизии, где бьют в морду и называют скотом. Нарушителя дисциплины вызвал начальник школы: «Вам нужно извиниться перед строем».

Тогда капрал Борзяков, чеканя шаг, вышел из строя и уверенным тоном сказал:

– Я, конечно, извиняюсь, но предупреждаю – в следующий раз будет ещё хуже.

Извинение вышло угрожающим. Но Борзякова не отчислили, а Осну ходил как затравленная собака, пряча глаза.

Выйдя из парикмахерской, офицер столкнулся с командиром своей роты капитаном Кауш. На багровом от зноя лице капитана проступали росинки пота, он непрерывно вытирал их платком. Борзяков козырнул, изобразив утомлённый вид. Кауш не заметил его решительного настроения, а блеск в глазах принял за болезненный:

– Завтра готовимся к смотру, выздоравливай... шляпу с широким полем.

Сейчас воля Борзякова пружиной сжала всё его существо, делала движения полуосознанными и методичными. В своей квартире он отпустил денщика, съел давно принесённый, остывший обед. Аккуратно уложил гражданское платье в маленький чемодан. Достал из кармана кителя серебряный портсигар.

Борзяков долго рассматривал всадников на крышке фамильного портсигара. Закурил папиросу и в половине шестого вышел из дома.

Без десяти минут шесть у пристани, откуда пароход возил граждан на советский берег Дуная, появился офицер в униформе танковых войск, с чемоданчиком в руке. У толпившихся штатских проверяли документы. Офицер небрежно ответил на приветствие солдата и шагнул за ограждение.

Твёрдой походкой офицер проследовал в уборную, а ровно через пять минут из уборной вышел элегантный молодой человек в костюме. Молодой человек поправил смятую шляпу, закурил, исподлобья оценивая обстановку, и смешался с толпой.

Подданные Румынского королевства, показав представителю сигуранцы отметки о месте рождения, нервозно ожидали посадки. С подобртыми усиками еврейчик семенил вокруг пышной матроны и сыпал скороговоркой. Заплакал ребёнок. Пароход покачивался у причала. Спустили трап. Началась посадка пассажиров с вещами.

Солнце серебрило последними лучами зелёные волны. Пароход по течению наискось резал Дунай. Молодой человек опёрся о поручень на палубе, близоруко всматривался в совет-

² Промедление смерти подобно (лат.).

ский берег. Уголки его губ гнулись в улыбке, ветер трепал волосы и распахнутый ворот сорочки. Молодой человек размахнулся и забросил маленький чемодан в убегающую волну.

В двадцатых числах июня сорок первого года паровоз, подолгу простаивая на полустанках, тянул за Урал состав с врагами народа. Через дырку, выдолбленную в стенке вагона, Борзяков жадно глотал свежий воздух. По встречному пути с рёвом и визгом замельтешило. На фронт нёсся военный эшелон. «С корабля на бал... бал...» – стучало в висках.

Глава 2

Ваня

Мне рассказывала эту историю бабушка, Мария Наумовна. Это была исключительной души женщина, казачка, сгорбленная и согнутая набок колхозной жизнью. Когда умер дед, она продала дом в станице и приехала жить к нам в Краснодар. Сильно болела у бабушки спина. Причитала тогда она всегда одно и то же:

– Дура, дура была... Всё хотела лышню палочку заробить³.

– А для чего, бабушка, эти палочки?

– Так отожд... Колы б до чего... В конце года дадут кусок материи, або муки, та похвалят перед людьмы. А ты, дура, стоишь – лыбишься. А сейчас вон як скрутыло. А зубы яки булы – проволоку грызла...

– А зачем, бабушка?

– Колы б я знала...

Каждый вечер в 21.40 или 35 мы с бабушкой смотрели фильм по первой программе, а иногда показывали и в 19.30 – по второй. У нас было два чёрно-белых телевизора: бабушкин «Весна» и мамин «Горизонт». Бабушкин показывал лучше, хоть и был совсем старенький.

Бабушка заранее изучала программу и все фильмы отмечала фломастером. Особенно мы любили фильмы про войну. Их тогда часто показывали. И для нас с бабушкой это был настоящий праздник. Мы вместе смеялись над глупыми немцами, переживали и радовались за советских солдат. Но больше всего бабушка жалела лошадей. Помните атаку казаков на пулемёты в фильме «Тихий Дон»? Плакала тогда бабушка:

– Люды хоть сами йдут, а кони, бедные, ничёго нэ понимают. За шо им така смерть?..

У бабушки было четыре брата. Один умер в голодовку тридцать третьего года, а трое не пришли с войны. Младшего звали Ваня. Больше всего бабушка любила его и рассказывала о нём часто.

Ваня рос добрым и весёлым паренёком. Родился он в двадцать пятом году, закончил пять классов школы, на три класса больше, чем бабушка. Нужно было работать, чтобы прокормить большую семью, и чем старше ребёнок в семье, тем меньше он ходил в школу. Ваня был самым образованным.

Отец их – Щербина Наум Фомич – шил и чинил обувь, а какая в станице обувь? – чуни да галоши. Мать, Пелагея Петровна, не разгибалась в колхозе и дома, хоть и всего хозяйства было у неё – корова. Вот корову, Любку, и пас младшенький Ваня, вместе со станичным стадом, и приносил в семью, что люди дадут: когда крупы какой, когда молока кувшин.

Бедно жили на Кубани в довоенные годы. Партия проложила курс на индустриализацию. Страна надрывала жилы на социалистических стройках. А строителям нужен хлеб. И рабочим на заводах. И железнодорожникам... Армия была крепкая у советской власти. Солдату нужен хлеб. И обмундирование. И командирам красным сапоги хромовые и португалии хрусткие. И танки БТ быстроходные, и самолёты для сталинских соколов. И всё лучшее в мире.

Станичные парни с охотой шли на военную службу. Провожали их с оркестром. А встречали, как героев. После армии можно было как-то ухитриться и паспорт получить, а с паспортом уехать в город и на завод устроиться, где зарплата и паёк. А можно было в армии на сверхсрочную остаться, на казённых харчах. Радовались тогда в семьях призыву, хоть и плакали матери. Жалко ведь сыночков. Ведь оно то финская, то Хасан. И гибли хлопцы. То у Турков горе, то по Советской, у Жижерь.

³ См.: Примечания.

Но отслужил и Михаил в кавалерии, и Николай в сапёрах. И всё благополучно, никуда не попали на войну, и начальство хвалило, слало Науму Фомичу и Пелагее Петровне благодарственные письма. Читали их всей станицей. Слезы тогда текли по огрубевшим родительским лицам. Каких сынов вырастили!

Летом сорок второго танки и мотопехота группы армий «А» фельдмаршала Листа, развивая наступление в направлении грозненских месторождений, ворвались на Кубань. Краснодар был сдан. Красная армия с тяжёлыми боями отступала. Через станицу шла измотанная маршами пехота, везли раненых. Бабушка видела, как бежали последние пехотинцы по-над домами, уже под разрывы немецких мин. Потом вошли немцы, загорелые, с засученными рукавами (эти рукава почему-то всем запомнились). Мой дед ушёл в горы в партизанский отряд. Бабушка с пятилетним Андрюшей (моим дядей) пошла жить к родителям.

Двадцать пятый год забрать в армию не успели – рано им ещё было, и эвакуировать не успели – немцы прорвали оборону стремительно и совсем не в том месте, где предполагало советское командование, и куда стянуло резервы. Семнадцатилетний Ваня остался в оккупации. К тому времени получили уже похоронку на Николая, а от Михаила никаких вестей не было.

Об оккупации бабушка рассказывала только, что никого не повесили, что так же гоняли в колхоз, только староста, а не председатель. Стояла в станице немецкая санчасть и румынский обоз. Каждый день из санчасти к Пелагее Петровне приходил немец и требовал: «Один стакан моляка». А два румына, один пожилой уже, другой помоложе, по вечерам приходили к Науму Фомичу, приносили какие-то продукты, пили чай, разговаривали (неизвестно, на каком языке). Тот, что помоложе, показывал на Андрюшу и говорил, что дома у него такой же сын и совсем маленькая дочка. Однажды румын вошёл во двор и повёл корову Любку к калитке. Выбежала вся семья, и Наум Фомич сказал: «Ты дывы!.. Шо ты робышь?! Чим я буду их кормыть?!» И румын выругался, бросил корову, зашёл в соседний двор, взял там корову и увёл.

Перед тем, как немцы ушли, станицу бомбила наша авиация. Наум Фомич вырыл в огороде три окопа. Прятались в них. В одном сидел Наум Фомич с Пелагеей Петровной (чтоб если умереть, то вместе), в другом – Ваня, а в третьем – бабушка с Андрюшей.

А больше всего бабушке запомнилось немецкое отступление, как вязли и разбрызгивали грязь танки, тянулась пехота в шинелях, со шлемами на поясах, везли раненых в повозках; и особенно запомнились огромные немецкие лошади-битюги.

На ночь у Щербин останавливались офицеры. Пили и играли в карты. А утром офицер подарил бабушке отрез сукна на пальто Андрюше, и карты тоже они забыли. Долго хранили эту красивую колоду в семье, но заиграли потом. И забыли ещё немцы одеяло, и бабушка зачем-то побежала с этим одеялом их догонять, но немцы посмеялись и одеяло не взяли.

– Скаляться, гогочуть. А чего им весело?..

Когда пришли наши, двадцать пятый год сразу забрали. Свезли их, стриженных, со всей Кубани в станицу Афипскую. И водили там в кино в подштанниках – чтоб не сбежали. Вписали им в личные дела: «находился на оккупированной территории» – клеймо. А смывать это клеймо требовалось кровью.

Третьего мая сорок третьего года пополненную новобранцами 328-ю стрелковую дивизию вывели из резерва и бросили в бой в районе станицы Крымской. Немцы успели закрепиться на заранее подготовленных позициях. Соединения 56-й армии генерала Гречко взламывали оборону противника. Окрепшая советская авиация господствовала в небе Кубани, а артиллерия не жалела снарядов. Не жалели и людей... Вперёд!.. Над немцами нависла угроза отсечения всего южного крыла фронта. Маячил призрак нового Сталинграда. Укрепления «Голубой линии», как дамба, должны были сдерживать лавину русской пехоты и танков.

Однорукий Худына, бабушкин сосед, уцелевший на войне, рассказывал ей, что, когда пошли в атаку, сгрудились пацанята эти в кучу и метались то вперёд, то вдоль линии огня. И кричали: «Ма-ма!.. ма-а-а-мо-о-чка!»

И захлёбывались «машиненгеверы», и сдавали нервы у пулемётчиков. И ворвались в траншею русские, но не было среди них парней двадцать пятого года рождения.

Ваню в том бою ранило. Ему повезло. Приезжал он на побывку домой после госпиталя. Ездили они с Марусей на подводе в поле. Смеялись и бегали между стогов, как дети. Плакала бабушка, вспоминая эти последние денёчки с Ванечкой, любимым её братиком.

В том же сорок третьем получили от Вани письмо: «Батя, мама и сестра Маруся... я теперь служу при штабе и теперь может останусь живым...» А через месяц пришла похоронка.

Глава 3 ПРЕДАТЕЛЬ

1

Сначала в комнату вошёл дедушка. Покрутился громко и громко спросил:

– Миша, ты спишь?.. Сева, а ты спишь?..

Дедушка не получил ответа и вышел, а Сева с Мишей лежали недвижно, как заговорщики, но вдруг дружно вскочили на диванах и рассмеялись – какой сон тут может быть!

Уже слышалось в позвякиваниях посуды бабушкино из кухни:

– Сева, Миша-маленький, подъём, господа офицеры!

«Господа офицеры» встали и направились умываться в ванную. Зарядку бабушка отменила, и разбудили их поздно. Сейчас до завтрака можно ещё успеть выбежать в сад, там уклониться от дедушкиных заданий и проверить позиции.

«Господа офицеры» – бабушкина новая ирония после фильма «Адъютант его превосходительства», а вообще бабушка любит говорить, что лакеев отменили в семнадцатом году, что Ленин ненавидел буржуазию и что дедушка умён, как Дом Советов. Имея в виду, что он, наоборот, бывает и не умён. Ещё бабушка часто использует выражения «всюду-езде» и «жуть!», а июнь с июлем произносит «юнь – юль». Миша-маленький над этим подтрунивает. Он умеет смешно передавать чужие интонации.

– Миша, дети! Сколько можно ждать?!.. – это уже бабушка зовёт к завтраку.

Дети с радостью бросают сапки в малиннике (не удалось избежать дедушкиного задания), бегут в дом и вот уже сидят за столом у большой сковороды с картошкой. Руки их помыты и проверены.

А дедушку (Мишу-большого) ещё долго нужно выкрикивать. По пути он поправит покосившуюся тычку, подвяжет недосмотренную гроздь винограда, зайдёт в сарай, ещё чего-то там поднимет на место или перенесёт, а потом уже дойдёт до стола: – Что, готово уже, Лидочка?

– Иди к чёрту и дьяволу! Куда! Руки мыть!..

Дети смеются. Сейчас дедушка смешной. Будто бы он, как и они, – «дети», провинился, застукан бабушкой и тоже усажен за стол. Моет руки сейчас. А мыть их бесполезно. Руки у дедушки огромные, коричневого цвета, все в чёрных, забитых землёй трещинках.

– Так, ну какой сегодня план? – начинает дедушка, не успев наложить себе картошки.

– Куда ты лезешь с руками! Не шкреби это!.. Сколько говорить... Дай поесть детям со своими планами...

Но бабушка сегодня не злая и сама любит планы, она составляла планы, когда работала до пенсии плановиком.

Эх!.. Планы, планы... Сегодня сапать целый день придётся – вот и все планы. Решающее сражение будет, когда дедушка днём пойдёт спать. И Мише не интересно про планы:

– Дедушка, а на орловском рысаке можно верхом ездить?

– Можно. Но зачем верхом? когда можно запрячь хорошую рессорную бричку.

– А если война?.. Вот когда...

– В Гражданскую всех рысаков и выбили так... Конечно, можно под седло. Это уникальная лошадь...

Мише не интересно про уникальность орловского рысака, он про это всё уже знает – это любимая дедушкина порода. Ему интересно про Гражданскую:

– А кто выбил? Белые или красные?

– Да какая разница... Кто первый на конезавод войдёт, того и лошади... Красные, конечно, у помещиков всё реквизируют. Кто тогда будет разбираться, племенная она или... сабли в золотых ножнах, какого-нибудь Богдана Хмельницкого, из музея – всё в ход шло...

– Да, тебе сабли! Это ж надо было додуматься! серебряной ложкой ядохимикаты мешать, что она вся разъелась. Ты не мог другую взять? – вмешивается бабушка, она уже съела картошку и наливает чай, вчерашний и жидкий... цвета... ну, чуть жёлтенького – светлее, чем газировка. – Ухватил первую попавшую. Ни о чём не думаешь!

– Я взял, думаю – старая какая-то.

– Дом Советов!

– Ну, ладно... Ты, Миша, чем будешь заниматься?..

И начинается постановка задач. Как в колхозе работникам.

Дедушка и бабушка вместе работали в колхозе. Дедушка заведующим свинофермой, а бабушка была у него начальником – главным зоотехником района. Но она, как говорит дедушка, ничего не делала, а только писала бумажки. Это тогда она составляла планы и спускала их дедушке, и он к ним привык, и теперь сам всё планирует у себя в огороде.

2

Сапать⁴ можно разными способами. Дедушка сапает вперёд и всё следом затаптывает. Мише не нравится затаптывать свою работу – хоть дедушка и говорит, что это большой роли не играет, а в земле всё равно происходит циркуляция, – но некрасиво.

Бабушка, мама, тётя Таня (мама Севы) и все вообще женщины сапают назад – по рядку отступая. По-бабьи – называет этот метод дедушка. Так неудобно. Миша придумал свой метод. Он сапает, как дедушка, вперёд, но небольшими участками (пока можно не затаптывать взрыхлённое), переступает, и снова участок вперед, а под собой аккуратненько взрыхливает землю. Так интересней и вообще быстро получается.

Можно ещё халтурить, – так они копают в школе, чтоб быстрее и отвязались, – сапать реже, а вырытую землю отбрасывать на невзрыхлённую. Но так Миша не любит. Да и дедушку не проведёшь – он же не Жанна Савельевна. А Сева сапает по-бабьи – пятится назад.

Уже жарко, и пот льётся под футболками, но ребята не замечают этого. Если б взрослые постоянно не твердили, что жара, что нужно днём уходить в дом и что можно получить солнечный удар, то Миша и не знал бы, что жарко.

Сева бьёт ряд с другой стороны, через дорожку. Его не видно за шпалерами винограда, а только слышен стук его сапки.

Миша далеко уже вырвался вперед. Молотит сапкой – главное, корни винограда не повредить. Это прополка обычная. Взрыхливается земля, и уничтожается бурьян – лобода, щир и другая трава, менее интересная.

Лобода и щир вырастают в красивые кусты. Если их вовремя не вырвать, они могут вымахать в Мишин рост – в Севин точно. Возле милиции, в центре, даже есть клумба с лободой – дедушка говорит, что это от безобразия и оттого, что милиция сильно загружена поиском преступников. Мама говорит, что лобода – это неправильно, а правильно – лебеда. Но ничего это не неправильно, а просто по-украински.

Стал Миша, огляделся. За сеткой в соседнем огороде Петрович тоже что-то возится себе. У него виноград – «Лидия». Пакость – мелкий и невкусный, на вино. «Муторное это дело, виноград», – говорит... Это он маме говорил как-то, а сам Миша с соседями не общается – хмурые они все какие-то, неприветливые, и Миша их стесняется.

Петрович, как всегда, в тельняшке расхаживает, поднял таз и поплёлся к себе в дом. Всё – поработал на сегодня! Смешной этот Петрович.

Пока Миша добирался до конца ряда, солнце набирало жар и ползло в небо. Теперь солнце висит над его спиной, немного сбоку, и Миша выбивает в земле свою расплывчатую тень, – как раз под правую руку она – удобно. Но за тенью не угонишься – двигаешься же

⁴ См.: Примечания.

сам, не стоишь на месте. Сейчас ещё нет двенадцати – его дедушка научил определять время по солнцу. Дедушка – самый умный и добрый человек!

Когда дедушка завёл одного Лахно (и фамилия противная – как Махно) в сад и всё ему показал (он всем всё показывает) – где какой виноград самый у него лучший посажен, а тот ночью залез и всё самое лучшее выкопал. А потом приходит – как ни в чём не бывало.

Дедушка всё равно его пустил и снова всё рассказывал и показывал. Бабушка говорит: «Зачем ты принимаешь этого подлеца!?» А дедушка говорит: «Да почему подлеца? Человек просто не подумал». И правильно, Миша сам знает, что, если хорошо подумать, никогда не захочется украсть.

– Эй! Сева! Как ты там? Устал?

– Неет. Просто отдыхаю.

– Сейчас я свой ряд закончу и к тебе приду на помощь.

Миша остановился, размазал по лицу пот, сорвал бобку винограда. Зелёный ещё, кислятина – «Кардинал». И опрысканный. Выплюнул. Надоело уже сапать до чёртиков! Но немного уже осталось. Потом дедушка другой план придумает. И чего это бабушка на обед не кричит?.. Рано ещё... Вдруг что-то налетело, взвилось у ног, навалилось на грудь мохнатое, дышит. Полкан!

Пёс отцепился от цепи, проскакал по грядке с синенькими и перцами (скандал будет!) и в три прыжка налетел на Мишу. И теперь они обнимаются, и Миша его гладит.

– Ну, ну... Не прыгай!

Но Полкан всё равно прыгает от радости и топчет всё вокруг и Мишину работу.

Это большой пёс – почти как овчарка, только уши у него висят и он бурый. Умный и злой, но своих никогда не трогает и больше всего любит Мишу. Севу вообще-то он цапнул раз за палец. Но Сева просто его сам боится. А с ним поосторожнее нужно. Это же собака!

Миша ухватил Полкана за ошейник и повёл привязывать. По пути заглянул в нутрииную клетку, – попрятались нутрии, спят, что ли?.. Одна Ночка, вечно голодная, грызёт палку, – они её в своё общество не принимают – тоже у них всё, как у людей.

– Гав!

– Вечером будешь, Полкан, гулять, разгавкался тут!

– Гав, гав.

– Будто ты сам не знаешь?.. Не дай бог ещё бабушка перцы увидит твои. Ух и влетит тебе!

Понятливый пёс поджал уши и легко согласился на пристёгивание к цепи. Миша сразу отскочил от него, а Полкан бросился на всю длину цепи, проверяя её прочность, – раз, другой, зевнул и улёгся в холодок.

Дедушка идёт мимо с ведром гравия – сажает за малиной новый куст винограда.

– Что, сорвался, Миша?

– Ага. И перцы потоптал.

– Ты, Миша, возьми сейчас и аккуратно там сапкой скрой следы преступления, а то будет всем нам на орехи.

– Сейчас. А вы что делаете?

– Сажаю «Надежду». Вы уже кончили там с Севой?

– Нет ещё.

– Дедушка, в сад ещё одну собаку надо, чтоб виноград не воровали...

– Миша, дети! Обед!..

Радостный Миша, забыв об устранении следов собачьего преступления, взбежал по ступенькам в дом, а дедушка прибавил шаг, чтоб побыстрее отнести ведро, и ничего не ответил Мише про ещё одну собаку.

Эскадрилья «Де Хэвиллендов» сметена ударом фугасных бомб. На пригорке разворочены и отброшены орудия зенитной батареи. Уцелевшие зенитчики, пригибаясь, бегут ко второй линии окопов. Кусок обшивки, вырванный из фюзеляжа, кружится в воздухе и падает на распаханную воронками взлётно-посадочную полосу.

На смену бомбардировщикам приходит тяжёлая артиллерия – обе линии окопов превращаются в мелкие бугорки. Прямым попаданием разбит блиндаж, и пехотная рота порвана в клочья. Уничтожена батарея мортир, снаряды ложатся возле НП, попадают в медпункт и разносят повозку с доктором-китайцем.

Грохот канонады стих внезапно, и мёртвая тишина застыла над дымящимися воронками. На позициях нет ничего живого, и только два танкиста из врытого по башню танка катаются по земле, сбивая пламя на загоревшихся комбине зонах.

Но вот в разрушенных окопах зашевелилось, задвигалось, места убитых и раненых занимают пехотинцы, укрывавшиеся в блиндажах, на флангах устанавливают два станковых пулемёта. Разобравшиеся по ячейкам стрелки выставляют дальность на прицелах винтовок, выкладывают на берму бутылки с горючей смесью.

Спадает завеса пыли и дыма, а за ней уже слышен гул моторов и топот копыт. На ожившие окопы за шестью танками Второй танковой бригады прорыва идёт Первый гвардейский казачий полк. Три его сотни (гнедая, караковая и рыжая) рысью несутся вперёд плотной единой массой.

В горлышке фольварка конница не может развернуться в лаву. Два станковых пулемёта тут же отсекают её от танков. Под пятью вырвавшимися вперёд всадниками падают лошади, два всадника вылетают из сёдел. Лошадь под бравым сотником встала на дыбы, и сотник еле удерживается в седле.

Казачи спешили, залегли, закрывшись уложенными на землю лошадьми, открыли огонь из карабинов и льюисов; а два тяжёлых танка при поддержке четырёх лёгких ползут вперёд. Стрельбой с остановок танки пытаются уничтожить две конные артупряжки, подлетевшие из тыла. Орудия разворачиваются под разрывы снарядов, ведут меткий огонь. Два тяжёлых танка вспыхивают одновременно, но сметены и расчёты храбрых артиллеристов.

Лёгкие танки напоролась на мины. В тяжёлом танке сдетонировали боеприпасы. Страшный взрыв рванул в клочья его корпус, взлетела башня, повертелась в небе и рухнула в окоп, задавив сапёра-резервиста. Единственный лёгкий танк, обогнув подбитые машины, пробрался через минное поле, ворвался на насыпь и стал уютить гусеницами траншею.

А за дымом, тянувшимся от пяти подбитых танков, за залёгшей с лошадьми казачьей кавалерией, уже надвигались пехотные цепи. В первой волне шли штрафники; за ними, плотными рядами трёх рот, гренадеры Второго ударного батальона.

Прорвавшийся танк раздавил станковый пулемёт, выбил расчёт второго пулемёта. Сопротивление сломлено, потрескивают только редкие винтовочные выстрелы. Падает, оседающая, штрафник в лётном шлемофоне, утыкается в землю второй, с винчестером.

Гренадеры, стиснув зубы, прибавляют шаг, их офицеры бросают окурки папирос. Никакого «ура» – гренадеры идут молча, как каппелевцы. Впереди их спокойно, как на кроссе, бегут штрафники.

Рядовой Пружинер, из третьей роты Метисского батальона, был оставлен наблюдателем в окопе. Он чудом уцелел в авианалёте, а с началом артподготовки укрылся в блиндаже на фланговой позиции. Когда в его ячейке поставили пулемёт, Пружинер переместился левее и бил из винтовки в кавалеристов, расстреляв восемь обойм.

Он хорошо видел, как от его выстрела вылетел из седла один казак, и потом уткнулись два, залёгшие за лошадьми. Это Пружинер двумя выстрелами выбил из цепи лётчика-штрафника и другого штрафника в хаки.

Когда на насыпь ворвался танк, поливая окопы сумасшедшим огнём курсового пулемёта, Пружинер нырнул в окоп и ходами сообщения переместился во вторую линию. Там в ячейке

танк длинной очередью вжал его в дно окопа. Пружинер упал на убитого стрелка из роты диверсантов. У откинутой руки диверсанта лежала бутылка с горючей смесью. Бутылка скатилась с бермы окопа, но не разбилась. В окопе валялся и вдавленный в землю коробок охотничьих спичек.

Пружинер не видел, как танк выехал на вторую траншею, как провернулся, раздавив в окопе стрелка, а потом развернулся в сторону вылезшего из земли огнемётного расчёта. Как от пули, пробившей шланг, вспыхнули двумя факелами огнемётчики. Не видел Пружинер, как в первой линии отстреливался от наседавших штрафников славный командир третьей роты капитан Квант.

Когда Пружинер решился выглянуть из окопа, перед ним всё так же был этот проклятый лёгкий танк. Но танк стоял на месте и бил из пушки куда-то далеко через голову Пружинера, а Пружинер как раз оказался в мёртвой зоне.

Пружинер дрожащими руками поджёг паклевый фитиль, высунулся из окопа и бросил бутылку на броню под башню. Тут же Пружинера тупо ударило в грудь, в голове его помутилось, блеснул острый свет и погас вместе с сознанием.

В окопах первой линии орудовали штрафники. Потеряв полсостава своей роты, теперь они безжалостно добивали раненых. Гренадеры Второго ударного батальона по ходам сообщения занимали вторую траншею, устанавливали пулемёты и бросали линию связи.

Но не нужны были пулемёты и связь. Некому было вышибать гранадер лихой контратакой. Не было больше Метисского батальона и батальона крепостной пехоты. Не было роты отборных диверсантов – последнего резерва Империи. Использованные как обычная пехота, в рваных коричневых камуфляжах, диверсанты лежали во всевозможных позах на дне окопов и размётанные на бруствере.

Нет больше артиллерии – тяжёлой, противотанковой и конной. Нет авиации и инженерно-сапёрной роты. Нет медицинского взвода и батареи зенитчиков.

За ворота осаждённого города отошёл лишь Бессмертный эскадрон жёлтых улан. Командир его, благоразумный граф Д'Орнамент, не решился атаковать пехоту на сильной фронтальной позиции.

4

Бой закончился, и ребята, не сговариваясь, сказали: «Уф!»

Сева светится радостью, хотя это его вся армия, которую он рисовал, клеивал из спичечных коробков, раскрашивал и вырезал (три почти недели!), превратилась в обрывки картона. Так, что от неё осталось пятнадцать раненых, всё равно попавших в плен к Мише. Хорошо ещё удалось увести кавалерию!

Отважный рядовой Пружинер оказался тяжело раненым (это показал игральный кубик, выпав четвёркой), был обменен на пленного мянско-го пехотинца, тут же на лавочке у входа в сад награждён орденом Золотого руна третьей степени и произведён в капралы. Ребята собрали уцелевших солдатиков в обувную коробку и побежали в дом.

Дедушка уже давно за работой, он их уже потерял. Когда Севин уланский эскадрон удирал с поля боя и выстрелом из танка разнесло одного улана вместе с лошадьё, дедушка кричал: «Миша, вы где?» А дети кричали ему: «Сейчас».

Дома бабушка фарширует перцы на ужин. Бросив на диван солдатиков, напившись вкусного компота, ответив на все бабушкины вопросы (о том, чем занимается дедушка), ребята побежали выполнять утренний план.

Такой бой грандиозный они закатили!.. Жалко, что места мало. У дедушки в огороде и в саду абсолютно всё занято. Если он сам куда и не успеет посадить дополнительный куст винограда, бабушка на этом месте посадит какую-нибудь капусту, или посеет петрушку. Только этот «фольварк» под забором и свободен.

Это из фильма «Хождение по мукам» слово «фольварк», а так никакой это, конечно, не фольварк, потому что фольварк – это плацдарм за рекой⁵.

Окрылённый победой, Миша быстро дополол свой ряд, помог отставшему Севе, и ребята присоединились к дедушке. Теперь они участвуют в посадке двух новых кустов винограда – номерного и «Плевена».

Дедушка в новой клетчатой рубашке (бабушка не досмотрела, и он надел «парадную») выкорчёвывает корни старого «Нимранга».

Этот «Нимранг» был ничего себе, вполне приличным виноградом, и самое главное – нормально плодоносил. Но дедушка забраковал его за недостаточную сахаристость и сейчас заменял новейшим сортом, у которого и названия ещё не было, а был только номер. По описаниям, это чрезвычайно хороший сорт, но что из него ещё вырастет через три года, никому не известно. Однако сажать его, кроме как на место «Нимранга», некуда, а сажать надо.

Дедушка орудует киркой и ломом – старый нимранговый корень крепко забрался под бетон в основании шпалерного столбика. У дедушки очень сильные руки, с круглыми бицепсами и все в жилах. Он этими руками на войне задушил немца. Но про войну дедушка рассказывать не любит. Что, говорит, рассказывать, не дай бог вам такое.

– Ты, Миша, возьми, принеси ещё гравия. Полное ведро только не набирай, а половину. А ты, Сева, собери эти корни и отнеси к кабану на навоз.

– Дедушка, а это белый будет виноград или синий?

– Чёрный. Синего не бывает.

– Но он же синий? Тёмно-синий...

Дедушка занят, весь кряхтит, и Миша, не дождавшись ответа, стал выбирать ведро из валявшихся. Сева собирает корни, но увлёкся рассматриванием муравьёв из разрушенного муравейника. Муравьи были мясистые и жёлтые, потому что поселились в песчаном грунте.

– Миша, нужно на них потом расплавленной пластмассой устроить авианалёт. – Ага.

– Какой налёт?.. Ну что там, Сева?..

Сева подорвался, понёс собранные корни на навозную кучу, вслед за ним Миша с более или менее недырявым ведром пошёл за гравием.

Вообще, дедушка не строгий, а только требовательный и трудолюбивый. И поговорить с ним мало удаётся. Столько он всего знает, столько вопросов интересных ему можно задать, а он всё занят, и ничего ему, кроме своего винограда, не надо. Только разговоришься с ним, он: «Ну, ладно», – и идёт уже куда-то что-нибудь делать, и всех озадачит вокруг.

Сегодня Миша решил за дедушку основательно взяться и наконец расспросить его про войну. Но сначала, решил Миша, нужно задать ему какой-нибудь отвлекающий вопрос, попроще.

У клетки с кабаном Васькой ребята задержались, весело вместе с Васькой похрюкали, ткнули его в нос черенком вил (это Сева любит). Васька взвизгнул и стал ругаться на поросёчком языке. Пришлось срочно нарвать для Васьки бурячных листьев, чтоб он не обижался.

Всё вокруг в зелени. Беседка во дворе заплетена виноградом. Кроме винограда у дома клумбы с остроконечными можжевельниками, перед домом розы (красные, белые и кремовые) и тоже виноград. Куча гравия – за воротами. Миша набрал почти две трети ведра и еле его дотащил.

– Уф!

– Так. Зачем так много берешь?.. Сыпь сюда потихоньку. Всё-всё сыпь.

– Дедушка, а правда, что бабушка еврейка?

⁵ Ошибочно, на основе эпизода из фильма (А. Толстой: «...Обстрел начался с двух мест, – били направо – по мосту, и налево – по переправе, которая вела к фольварку, недавно занятому на той стороне реки ротой Усольского полка...»); фольварк (в Польше folwark от нем. vogwerk) – хутор, усадьба, помещичье хозяйство.

– Наполовину. У неё только отец был еврей, а это у них не считается.

– Почему не считается?

– У евреев национальность считается по матери, а не по отцу.

– А-а... А вы только по отцу казак?

– Только по отцу, мать была русская... Вера Сергеевна Кудинова, урождённая Борзякова, твоя прабабушка.

– А разве казаки не русские?

– Сейчас уже русские.

Никак у Миши не получается подвести дедушку к войне, а наоборот, они начнут сейчас с ним спорить о происхождении казаков, от беглых крестьян они (как в учебнике истории) или от печенегов (как дедушка сам придумал); про бабушкину национальность Миша тоже давно всё знает, только притворяется.

– Дедушка, а вы в каких войсках воевали?..

– Он во власовских войсках воевал.

Миша вздрогнул, поднял голову. За забором, в тельняшке и с тазом в руке, стоял пьяный Петрович.

5

Все впечатления дня перемешались в Мишиной голове, так, что нельзя было сложить образы и мысли во что-то цельное. Можно было плакать и бесконечно повторять одно только слово: «предатель... предатель... предатель...»

Трудно было сказать, вкладывал ли Миша в это слово какое-либо значение, просто ему было обидно, так обидно, как никогда ещё в жизни.

Миша не пошёл в дом, когда бабушка кричала: «Миша, дети...», и потом несколько раз: «Миша-маленький...» Злой на всех и на весь мир, он не отозвался даже, когда его искал Сева.

Постепенно мысли в его голове перестали мельтешить и смешиваться.

Миша вспомнил, как они с папой ездили на рыбалку на мотороллере, сколько они там и какой тогда поймали рыбы. Он вспомнил про рыбалку потому, что ему обязательно нужно было вспомнить что-то хорошее. Но вот папа же говорил, что дедушка на войне убил немца?..

Миша вспомнил, как отмалчивалась и прятала глаза бабушка, когда он пытался выведать у неё про дедушкину войну... И военных наград у него нет... Только медаль «За трудовую доблесть» – а такого не может быть!

Обязательно всех награждали, хотя бы «За победу над Германией». У Мишиного второго деда Феди была медаль «За победу над Германией» (она и сейчас у них хранится), хотя его только на фронт везли, по дороге разбомбили, а когда он лежал в госпитале, война закончилась.

Как это он раньше не мог догадаться!.. И бабушка врала, говорила, что награды (какие-то медали) у него пропали в госпитале, а восстанавливать их очень долго. «Ты его, Миша, не расспрашивай про это, он очень сильно всегда переживает...» Теперь всё понятно, почему он переживает!

Всё-всё теперь понятно! Почему он говорил, что стахановское движение – это была показуха для галочки, а субботники для того, чтобы люди бесплатно работали. А бабушка ему тогда говорила: «Не морочь детям голову глупостями!»

Может, он поэтому говорил, что казака можно расказачить, а он всё равно останется казаком?.. Может, он просто за своего отца мстил?.. Ведь он же не трус?..

И почему он говорил, что коммунизма никогда не будет и что это фантазия! Никакая это не фантазия! Потому что это просто и нет ничего фантастического.

Все заходят в магазин и берут всё, что им нужно. Без всяких денег и очередей. Вот Мише мама покупала зимнюю куртку, и долго она её искала, и даже хотела заказывать тетё Рите

в Москву, а потом купила. А так бы пошла и взяла просто в магазине, и любой размер на выбор, а не только – большие.

И будто бы все тогда будут брать по три или по десять курток. А зачем одному человеку десять курток?.. И продуктов можно взять только – сколько можно съесть... Ну, раз ты объешься пирожными, ну, второй... а потом же надоест!.. И будет каждый брать только по два пирожных – трубочку и заварное.

Коммунизм – очень даже хороший строй. Нужно просто, чтобы никто не жадничал, не врал и не воровал.

Миша поймал себя на том, что по привычке хорошо подумал о дедушке, вспомнив, как он по-доброму обошёлся с Лахно и что тот после этого ничего больше и не украл... Миша понял, что запутался, что ничего ему совсем не понятно, а просто пусто и больно на душе.

И главное, что он ничего ему не ответил! Продолжал себе работать, будто бы ничего не услышал, а Мишу услал ещё за гравием. А этот стоял и ухмылялся с тазом... И за это ещё больше обидно!

Уже смеркалось, когда Миша вышел из своего укрытия в кустах смородины и крыжовника.

Дедушка сидел на лавочке у входа в сад. Миша тихонько обошёл сливы и черешни и через «фольварк», осторожно ступая по не убранному от убитых солдатиков полю боя, подобрался к нему поближе.

Дедушка плакал. Боясь пошевелиться, Миша сидел над полем боя за его спиной. В ерике за забором подняли квац лягушки, стрекотали сверчки. На улице хозяйки палили мусор, и в сад проникал дым, смешиваясь с запахом стоялой воды и навоза. Быстро наступала ночь, но сидевший на скамейке человек ничего этого не замечал.

Над тем, что осталось от окопов погибшего батальона, с хрустальной чёткостью стоял солнечный день. И стелился дым от сожжённых фаустпатронами танков. И за дымом два Т-34 медленно отползали к насыпи, пропуская вперёд автоматчиков.

Младший урядник Кудинов сменил позицию и вогнал ленту в МГ.

Глава 4 ПЕРВЫЙ СНЕГ

В грубый защитный рюкзак ложатся завернутый в бумагу кусок простыни, железная кружка, бритвенный станок, лезвия... Особенно беспокоится бабушка. Она стоит над душой, а Миша говорит ей: «Ба, ты ещё валенки мне принеси дедушкины!..» Миша устал отбиваться от доброй старушки, потому что она и в самом деле собралась идти за валенками. В конце концов сошлись на тёплых вязаных носках.

Наконец, легли спать. Всем не спалось, кроме маленького Димки. Миша выходил на улицу курить. Он крался по залу, чтобы никого не разбудить. Но всё равно мама окликнула его: – Ты куда? Миша.

– Покурю выйду, – отвечал Миша: он впервые так отвечал маме.

Ночью пошёл снег и быстро таял в лужах и на сыром асфальте. Но, когда Миша вышел в следующий раз, всё изменилось.

В свете фонаря вьются и блестят снежинки. Примораживает. Снег густо укладывается на землю, на крыши и капоты машин, скамейку. Миша бродит у подъезда, вытаптывает фигуры в снегу, бросает снежки.

Ему легко дышалось и думалось в ту ночь. Вспоминалось детство в этих дворах: штурм снежной крепости, хоккей без коньков на бельевой площадке. Вот ему восемь лет: он обморозил руки, отец больно отливает их холодной водой. «Терпи, казак», – говорит отец.

Миша пытался вообразить людей из части, в которую он скоро попадёт. Пытался представить обстановку в армии. У него плохо получалось. Представлялся монтажный цех, где он работал после школы. По цеху ходили условные парни в солдатской форме. И даже ходил Толик Снегирёв, сварщик металлоконструкций.

Ещё Миша гадал, в какие всё-таки попадёт войска, – об этом он гадал с детства. Почему-то его не интересовало место службы, а только род войск.

Утром звенит будильник. Это старинный будильник с противным звуком страшной силы. Только бабушка проснулась заранее и лепит на кухне вареники. Миша очень любит бабушкины вареники, и она старается специально для него.

Сидели «на дорожку». Мама встала первой. Миша надел у зеркала фуфайку. «Господи, какой же он большой!..» – думает мама. А говорит с раздражением: «Давай, Миша, пошли уже. Согояны уже вышли». Бабушка в кухонном фартуке плачет у двери. Миша поцеловал её и сказал: «Ба, не на войну же, не надо».

Зато Димка уже бегают у дома и обстреливает снежками голубей и гаражи. Наохлившись голуби шумно взлетают, но тут же опускаются на прежнее место у мусорных баков: там кто-то раскрошил для них хлеб. Металлические гаражи весело грохочут от Димкиных снежков. Димка радуется выпавшему снегу и тому, что старший брат уходит в армию, и это так интересно!

По дороге в совхоз «Солнечный», на районный сборный пункт, подошли Согояны: Карен, друг Миши, и его мама Агнесса Львовна.

Карен светится, будто его начистили пастой-гоя. А печальная Агнесса Львовна тянется к Мише, чтобы поцеловать.

Снег хрустит под ногами. Даже женщинам веселей идти, и они разговорились. Мише вообще радостно на душе, почти как Димке. А Карен шагает с ним рядом и что-то бойко рассказывает. Он худой и длинный: ростом Карен пошёл в отца, а не в Агнессу Львовну.

Шли среди панельных пятиэтажек. Однообразных и мрачных. Но в этот день казалось – пятиэтажки преобразились: «Удачи, Миша! Мы тебя помним», – говорят пятиэтажки. А когда

проходили мимо дома Согоянов, в одном из окон на них смотрел дедушка Карена и махал старческой рукой.

К совхозному клубу пришли первыми. Карен дёрнул дверь – закрыто. На снегу нет следов. Вдруг, как из-под земли, вырос подполковник Амилахвари. Агнесса Львовна воскликнула: «Ой!»

Димка ухватился за мамино пальто: он подумал, что усатый военный играл в прятки и теперь решил себя объявить.

– Прибыли? Молодец! Будем ждать остальных», – сказал Амилахвари. Он сдвинул обшлаг шинели, посмотрел на часы и обратился к Мише: – Ну что, орёл! готов служить?

От неожиданности Миша замешкался. Его выручила Агнесса Львовна, засыпав Амилахвари вопросами. Она смешная в этот момент – так она наседает на подполковника, словно подпрыгивает храбрый воробей. Мама не выдержала и тоже спросила про тёплые вещи.

Но Амилахвари весело отражает все вопросы: «Мамы! Войска из Афганистана вывели десять месяцев назад, да?.. Тёплые вещи выдадут всем, да?.. Дедовщину-медовщину в армии отменили – слушай! телевизор пока не в курсе, да?..» – Он говорит без акцента, а сейчас немножко шутит.

Женщины заулыбались и почти успокоились. Хотя они ничему не поверили, кроме того, что войска вывели из Афганистана.

Миша с Кареном отошли от подполковника. Мише стало неудобно за женские вопросы. Начали подходить призывники с родителями и друзьями. Через десять минут сделалось шумно. Большинство призывников тоже в фуфайках. Один парень надел даже какую-то дедовскую тужурку – засаленную и с дырками. Миша подумал о нём: «Как пугало».

Снова пошёл снег. Белые хлопья опускаются на шапки и плечи людей. Все посвежели и притопывают на снегу. Всем стало чуточку веселей. Парень в старой фуфайке понравился Мише – он смешно балагурит. Другой призывник пришёл в военной форме с голубыми погонами: это воспитанник местной авиачасти, сейчас он призывается, как все. К некоторым парням жмутся девчонки. От этого Мишу слегка сдавливает внутри. Он подумал, что Наташка могла бы и прийти – хотя бы для виду.

Неуловимый Амилахвари то появлялся, то снова исчезал. Никто не может за ним уследить. Наконец, Амилахвари с пачкой новеньких красных военных билетов в руках, начинает перекличку.

Долго обнимались и целовались. У мамы в глазах блестели слезинки. «Держись там», – сказал Карен. Что-то хотела пожелать и Агнесса Львовна, но смогла сказать только: «Мишенька». Миша улыбнулся ей, заходя в автобус. Он уселся на холодное сиденье и протёр ладонью заиндевшее окно.

Пушистые снежинки мягко касаются стекла, оставляя мелкие капельки. Автобус развернулся. Карен и Агнесса Львовна машут вслед. Мама стоит со слезами в глазах и тоже махнула рукой. Неугомонный Димка бежит за автобусом, чтобы бросить снежок. Но снежок не долетел – автобус быстро набрал скорость и понёсся из совхоза, клопоча выхлопами.

Глава 5

МОРСКАЯ УГРОЗА

На краевом сборном пункте («девятке») со сцены кинотеатра вещает офицер в светлой шинели. Его речь всплывает и гаснет в гомоне толпы – не все слова можно разобрать. И сам офицер сквозь выющую табачную завесу какой-то нереалистичный.

– ...матери и отцы... думают... служите в армии... пользуясь тем... срок службы идёт... по два месяца сидят здесь... не собираются служить, как положено... отставшие от своих команд явитесь в комнату сто четырнадцать – запишитесь в новые команды!..

Толпа визжит, как обкурившаяся.

– Эй, братуха! Вали в «бюро находок»! Твой мать и отец думают, что ты служишь, как положено, а ты на «девятке» колбасу жрёшь!

– На положено хуй наложено!

– Га-га-га-га...

Раздраженный офицер сбегает по ступенькам со сцены и пробирается к выходу, расталкивая призывников.

– Полегче, полковник!

– Я сейчас тебе устрою полегче! Кто это сказал?! – Майор (а не полковник) уставился в Мишу мутными глазами. Миша застыл с непонимающим лицом. Майор развернулся, бросил на ходу: «уроды!», – и быстро вышел в раскрытую дверь.

– Сам урод, – с опозданием отозвался голос, который сказал: «Полегче, полковник».

Миша ещё плохо понимает, куда попал. Будто на какой-то революционный вокзал в семнадцатом году.

Теперь на сцену забрался молодой оратор в распахнутой фуфайке. Оратор стучит левым кулаком по лысой голове с буграми, привлекая внимание зрителей, становится в разные ораторские позы, а правой рукой лускает семечки, выплёвывая шелуху далеко вперёд.

Шелуха падает на петушки и лысины дикой публики. Публика снизу стремится схватить оратора за ноги, чтобы стащить со сцены.

Наконец, оратор нашёл нужное положение для выступления. Он выдёргивает кривые ноги из рук зрителей, становится, как стоял Ленин на броневике, с поднятой рукой вперёд, и зажигает прокуренным голосом:

– Пацаны!.. Родина в опасности!.. Все в «бюро находок»! в натуре...

– Га-га-га-га... – гогочет толпа, стягивает оратора со сцены и отпускает фоган в его голый череп.

Широкие двери распахнуты, но в крытом летнем кинотеатре душно. Вместо воздуха выются клубы дыма. Сквозь шум автоматический женский голос (как на вокзале) передаёт ленты фамилий. Громкоговоритель требует отставших от своих команд призывников в комнату сто четырнадцать («бюро находок»).

«...Ерещенко, Простишко, Менялов, Будько, Счастный, Окунев, Дубинин...»

Миша с Русланом разыскали место, чтобы сесть. В заднем ряду нашлась свободная половина скамейки, на которой не так давно кто-то стоял в грязных ботинках. Руслан постелил газету.

Ребята вместе приехали из «Солнечного» и разговорились ещё в автобусе. Миша узнал, что старший брат Руслана задержал нарушителя иранской границы и получил медаль. Что сам Руслан до призыва занимался греблей (он и с виду крепко сложен), что живёт он на Российской (это далеко от Миши). Что отец у него русский, а мать ассирийка (Миша думал, что только в древности был такой народ). Что девушку Руслана зовут Светой и она светленькая. И ещё много сведений сообщил Руслан, сразу взявший над Мишей шефство.

Миша рассказал, что спортом особенно не занимался, а так – ходил в качалку; что с девушкой поссорился, поэтому она сегодня и не пришла его провожать. Хотя он не ссорился, а просто не сложилось с Наташкой ничего.

За двадцать минут ребята стали друзьями и решили служить вместе. Между тем громкоговоритель называл номера команд, а толпа волновалась:

- Слышь, чё за сто вторая?
- А я чё доктор?.. Стройбат, Омск.
- Неа... не пойду... Там холодно.
- А 45-бэ чё за такое?
- ЖДВ, БАМ.
- Это чё за жэдэвэ-бам?.. Десантники, что ли?
- Сам ты десантник!.. Железнодорожные войска.
- А-а... БАМ!.. Это чё, рельсы зимой прокладывать?.. Нашли придурка!
- Дуракив нэма.
- Га-га-га-га...

Исчерпав темы для разговоров и угостив друг друга вкусной домашней едой из рюкзаков, Руслан с Мишей, как это всегда бывает у русских, стали рассказывать анекдоты. Из-за шума им приходится говорить или просто громко, или прямо в ухо друг другу.

– ...Саг'а, ты дверь на замок закрыла?.. Закрыла – спи, Абг'ам... А на к'ючечек закрыла?.. Закрыла... Погоди... Моя команда!.. – Руслан вскочил, но тут же сел и придвинулся к Мише: – Ну что, пошли?.. Зайду, а потом ты... Скажешь, что хочешь служить вместе со мной. Скажи: вместе греблей занимались. Всё равно кто-то из этих косарей не явится... У меня команда в погранвойска, – добавил Руслан тоном человека, разглашающего государственную тайну.

– ...У меня ж зрение... Мне всё как раз, кроме погран, ВДВ и морской пехоты...

– Ты думаешь, там все на заставе и в наряд ходят?.. На таможене будешь служить – там и в очках можно... Прорвёмся!.. Главное – погранвойска, а не мабута какая-нибудь.

– Ну, пошли... – неуверенно сказал Миша.

Пока ребята сидели в кинотеатре, солнце поднялось в белом небе и теперь плавило снег, счищенный на край плаца в неровный сугроб. Миша шагал по лужам рядом с новым другом. Брызги от его старых полусапожек летели в толпящихся призывников, – никто не обращал внимания на такие мелочи.

У ворот шмонали прибывшую команду. Белобрысый офицер с танками на чёрных петлицах демонстрировал зрителям вскрытый снизу тюбик зубной пасты.

– ...Тебе там выдадут вино с шоколадом! Через три года станешь мутантом! На меня смотри!.. Ты и так уже мутант всё равно!.. Глазки свои не прячь наркоманские...

Незадачливый владелец тюбика шмыгает носом.

«Анаша в тюбике?..» – соображает Миша.

Как у фокусника, тюбик в руке танкиста превращается в бутылку «Столичной» водки. Разъярённый (впрочем, немножко театрально) офицер продолжает угрозы. Но зрители про атомные лодки и дисбат понимают, что «все там будем», а вот водки и анаши жалко. «...Надо было тюбик в карман сунуть... Водку пацаны проносили в грелке...» – сочувствуют они пойманному нарушителю.

Сдав рюкзаки в каптёрку сержанту-азиату, ребята пошли по краю забитого призывниками плаца. Руслан был сосредоточен, а Миша беззаботно рассматривал железные щиты, на которых молодцеватые солдаты выполняли строевые приёмы. Когда по плацу пружинистой походкой следовали «покупатели» – капитаны и майоры всевозможных родов войск, – народ не сразу смыкался, и за офицерами оставались дорожки, как след от винта на воде. Иногда с офицерами-покупателями были сержанты.

Миша рассматривает сержантов с особенным любопытством. Все сержанты носят шинели серо-бурых оттенков с чёрными, красными или голубыми погонами. Квадратные шапки на их чубатых головах или съезжают далеко на затылок, или опускаются на глаза.

Обогнули строй призывников. Офицер с непонятными эмблемами на чёрных петлицах выкрикивает фамилии перед строем: «Пустошкин... Алейников... Сенчин... Жигуленко... Жигуленко? Ты у меня вычеркнут, иди в комнату 108...»

В другой команде Миша заметил весельчака в дедовской тужурке, с которым они вместе приехали из «Солнечного».

– Смотри, – толкнул Миша Руслана, – вон из нашей толпы!..

Весельчак громко смеётся, размахивая руками. Когда команда удаляется, Миша читает на его спине: «ВДВ ДМБ-91». Надпись выполнена зубной пастой.

– Клоун, – говорит о весельчаке Руслан.

В большой десантной команде человек, наверное, шестьдесят. Не такие уж и крепыши – обычные парни. Не «силвестры сталлоне»... Миша немножко приободрился – может, ещё и прокатит зрение в погранвойска... Тут же ещё дед... Пограничники ж, блин, относятся к КГБ... Про репрессированного деда он не указал в анкете... И Руслану, конечно, не сказал... Прорвёмся!

В административном здании пополнение для Советской армии и флота в фуфайках и сношенной болонье мечется по лестницам, толпится на этажах, шарахается из кабинетов от окриков.

Руслан зашёл в кабинет 108. Миша за пять минут победил дрожь в коленках и открыл дверь. Решалась его судьба.

За столом пил чай офицер со зверским лицом (как у Гены Крокодила из фильма «Блондинка за углом»). В нём было не меньше двух метров роста, а его плечи примерно соответствовали ширине столешницы. Руслан сидел на стуле и не смотрел на друга – как предатель.

Мише захотелось немедленно скрыться. Но женщина-машинистка приветливо улыбнулась ему. Тогда Миша собрался с духом:

– Товарищ... майор... Можно мне вместе с ним?..

Офицер посмотрел сквозь Мишу и сказал:

– Нет.

Так их дружба закончилась, не успев начаться. Миша больше никогда не видел Руслана и скоро позабыл его.

Он шёл и думал об офицере... Красный цвет... тёмный такой... и мотострелковые эмблемы... Мотострелок... У мотострелков вообще-то не такой цвет – светлый... А у этого тёмный такой красный... У пограничников зелёные... Тоже с мотострелковыми, с общевойсковыми... Все войска интересные – главное, в стройбат не попасть... Или на зону, охранять... «Армия – должна быть армией», – вспомнил Миша слова дяди Коли... Пограничники – это не армия, а КГБ... И ещё вспомнилось: «Всё, что ни делается, – всё к лучшему».

А потом до Миши дошло – майор был в форме ВВ.

... Вот тебе и пограничники... Как раз тебе и зона... У Амилахвари что погран, что ВВ... Ему на базаре фурмой торговать, а не в военкомате работать... Хочешь артиллерию, дарагой? – артиллерия, да?.. Хочешь кавалерию? – кавалерия, да?.. Всё для тебя, дарагой! На танк хочешь?.. Такая вот и у меня артиллерия – всё что угодно может быть...

Мише сделалось грустно. Он шёл один по мокрому плацу. Куда-то спряталось солнце. Облезшие постройки и плац приобрели теперь чёрно-белое изображение. Солдаты, застывшие на щитах, были нарисованы плохо и выглядели плоскими.

Когда Миша заметил, что плац пуст, у него зазвенело в ушах от тишины... Ни пацанов, толпившихся у кинотеатра... ни у столовой и казармы... Что за дела?..

А дело было в том, что на «девятке» появился офицер в морской форме. Весь в чёрном, он прошёл по плацу, стараясь не замочить лакированные боты. От этой осторожности он больше напоминал дрозда на пашне, а не грозного морского волка. С виду офицер был совсем не страшным, не таким, как вэвэшник в сто восьмом кабинете, но паника вымела с плаца всех призывников.

«Девятка» пряталась за постройками. Кинотеатр опустел и наконец проветрился. – Морфлот. Три года!..

Парни за постройками курят одну сигарету за другой, как перед атакой. У Миши закончилась пачка – он забыл взять про запас из рюкзака.

Громкоговоритель методично повторяет: «Команда 47-дэ...»

– Сорок семь дэ – морфлот, три года, – дублируют пацаны.

– Сорок семь дэ – это ж моя команда! – не сразу доходит до Миши.

– Держись, братан, пронесёт, – поддерживают его пацаны. Кто-то хлопает его по плечу и суёт в руку зажжённую сигарету с фильтром.

Миша затаился и закашлялся. Посмотрел на сигарету – кубинский «Партагас» – крепкие, блин... Миша курил такие, когда работал в монтажном цехе, – лучше «Астра», чем такие с фильтром... На кораблях тоже пушки есть – шутник – Амилахвари... Три года вращаются у Миши в голове. Он как бы примеряет их на себя, и получается – очень долго.

Тех, кто ещё шатается по плацу, пацаны тащат за постройки.

«Как крысы», – думает Миша. Ему вспомнилось, как дед, работавший на свиноферме, рассказывал, что, когда они разбросали отравленное зерно против крыс и несколько крыс отравились, старые крысы выставили у отравленных куч патрули и отгоняли молодых.

А по толпе бежали тральщики и эсминцы – пугающие иностранные слова. Вмиг загадочные эсминцы топились привычными для русского уха подводными лодками, а неопределённый морской флот постепенно становился определённо Северным.

– Атомные подлодки. Северный флот. Три года.

Подводных лодок не боится почти никто, даже атомных с их радиацией, и которые иногда тонут, как подлодка «Комсомолец». А чёрная форма у «дрозда» вообще классная. Но три года – это не два года! Это ясно всем. Три очень долгих года парализуют толпу призывников, как паук свою жертву.

Когда моряк проследовал обратно во главе небольшой команды, «девятка» выдохнула: «Севастополь, морская авиация. Два года!»

И тогда народ хлынул на мокрый плац, смеётся над своими страхами и наивно завидует счастливым.

– В натуре, повезло пацанам!..

– Не морская авиация, а береговая охрана!.. Сам ты авиация... .

Это умничает осевший на «девятке» Ватсон, специалист по командам. Он потому Ватсон, что на любой вопрос сначала отвечает: «Чё я, доктор?», а потом уже выдаёт точнейшие сведения. Откуда он их берёт?..

Морская авиация, береговая охрана – какая уже теперь разница?.. Будет ещё много разных и интересных команд. На душе у Миши отлегло, хоть и было ещё немножко грустно. Но это была приятная грусть, с философским таким оттенком. «Всё, что ни делается, – к лучшему», – повторял он про себя – прицепилось.

Глава 6

СОРОК ДНЕЙ ДО ПРИКАЗА

– Часть-подъём!.. Форма одежды – три... – это издалека, не отсюда... Так хорошо ещё спится... Снится Надя, и её попа снится... Петров ни разу не видел Надиной попы в раздетом виде (всё произошло быстро и в темноте). Но теперь снится всё в свете, и попа... И уже эта казарма, шум... и чижи прыгают с верхних коек, словно это не чижи, а десантники.

Рассеивается попа и превращается в лицо капитана Лемиша. Во вполне реалистичное лицо капитана Лемиша. Петров смотрит в глаза Лемиша, а Лемиш смотрит в глаза Петрова. И так они смотрят с минуту. «Зайди в канцелярию», – говорит Лемиш и растворяется... а сон уже не идёт.

Чёрт!.. Полежал ещё, чтоб возбуждение до конца спало. Хотя в расположении пусто. Чижи убежали на зарядку. Старые выдвинулись с метёлками досыпать на территории под видом уборки.

Петров надел штаны. Достал из тумбочки мыльно-рыльные, выдавил зубную пасту на щётку и пошёл умываться.

Туалет дневальные мыли, видно, методом опрокидывания воды из ведра. На полу стоят лужи, вода из них ручейками стекает в решётку стока.

Петров долго укладывал под краном жёсткие почти чёрные волосы и смотрел в зеркало. Выкурил над очком в позе коршуна сигарету «Рейс», хорошенько подумал... Пошёл одеваться.

Эх... Какой сон был!.. Не мотая, Петров сунул ноги в портянках в сапоги. Запахнул поильнее полу кителя снизу – чтобы сзади не осталось складок. Бляху ремня сдвинул чуть вниз... Ну... пошёл, что ли...

В расположении ни души!.. И наряда не видно... Только чиж-дневальный засыпает на тумбочке⁶.

– Юноша, маму потерял?..

«Юноша» очнулся, часто заморгал большими бесцветными ресницами.

– Не база регламента средств связи – скотобаза!.. Соберись... В наряде стоишь... Сколько служить мне, сегодня?

– Сорок...⁷

– Правильно... молодец... Не спи только – замёрзнешь... Кто воды в туалете поналивал?.. Где дежурный?

– Э-э...

– Э-э, а-а... – передразнил Петров дневального и стал спускаться по лестнице, насвистывая весёлый мотив.

О!.. Сегодня Вася Плющ по штабу...

– Вася, почему все сержанты – хохлы?

– Та иди ты... Я тебе потом объясню... Давай лучше покурим твоих посылочных...

– Я же говорю: все сержанты – хохлы... Пошли, угощу тебя... А ты мне послабление по службе сделаешь.

– Я тебе послабление сделаю... Клизьмой...

В офицерском туалете Петров долго достаёт сигареты, набивая себе цену. Услужливый Вася приготовил спички:

– Ровно сороковник сегодня...

– Да... сорок... А ты чего в наряде?..

⁶ См.: Примечания.

⁷ Там же.

В штабе трещит телефон... Плющ вложил сигарету за ухо и выскочил из туалета... Ты смотри... можно подумать, это Васю с родной деревней соединили...

– Дежурный по штабу, старший сержант Плющ... Да... Так точно... Так я ж ему говорил... Есть... Понял...

Чего он рубится так?.. Старшиной уволиться хочет?.. Сорок дней... Потом ещё месяца два... Дембель в мае – всё... В декабре у тебя будет дембель!.. В новогоднюю ночь...

Петров докурил сигарету. Плюща нигде не видно... Да... а чего я здесь делаю?.. Канцелярия... Чего я там не видел?.. Будет Лемиш мозги компостировать... Может, он приснился мне?..

В канцелярии тоже никого. Петров прохаживается от стола к двери, осматривая новые обои, – у весенников дембельский аккорд был.

Остановился у книжного шкафа. Открыл дверцу... «Танки идут ромбом»... «Южнее главного удара»... МАТЕРИАЛЫ XXVII СЪЕЗДА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО... Макулатура!..

Сверху на шкафу лежит голубовато-серый дисциплинарный устав. Под массивным дыроколом наставление по стрельбе из РПК-74.

Петров взял дырокол. Взвесил его тяжесть в руке... Килограмма два!.. Поставил обратно.

Из окна топот сапог. Пробегают части. Их не видно за зеленью деревьев. Летний утренний воздух льётся в открытую форточку. Где-то с командного клацанье металла. Ещё и ещё... Цлакт-закл... цлакт-закл... цлакт-закл... Это не раздражает Петрова, он изучает через оконное стекло форму листьев... Тополь, наверное?.. Не пирамидальный просто...

За спиной открылась дверь. Петров оборачивается и получает удар кулаком в лицо. Не успевая сообразить, бьёт правой... добавочный левой. Лемиш летит в книжный шкаф. Петров бьёт ногой. Добивает левой ногой. На дверце шкафа трескается стекло, сползающего капитана осыпает осколками. Сверху падает устав. Срывается дырокол... Хрясь-сь!.. Наставление отскакивает Петрову под ноги.

«... Чаасть-шагом!..» Гулкий топот сапог несёт с лестницы через закрытую дверь и фанерные перегородки. Петров присел над Лемишем и нащупал пульс.

Глава 7

СМЕРТЬ МИХАЙЛОВА

В тот вечер куда-то на точки потребовались баллоны со сжатым воздухом. Пока я шёл в компрессорную, я промок и замёрз. В Йошкар-Оле в конце октября идёт уже и снег. Но в тот вечер лил дождь.

Кабели для связи и управления в ракетных войсках стратегического назначения расположены в тоннелях. В тоннели закачивают сжатый воздух. Когда случается порыв, манометры показывают падение давления, и легко установить место повреждения – очень простая система.

По службе я следил за уровнем давления в кабельной шахте, забивал сжатым воздухом длинные металлические баллоны, возил их на специальной тележке на командный пункт, менял пустые на заполненные. Иногда за баллонами приезжала машина.

Баллоны для заправки привёз Михайлов. Он вылез из кабины, маленький и угрюмый, как волчонок.

Я привычно кантовал баллон, наворачивал на резьбу штуцера. Михайлов прислонился к косяку двери и наблюдал. Имени его я не помню; я почти не помню имён людей, с которыми служил в армии, только фамилии остались в памяти и воинские звания.

Тогда я не знал, что Михайлов чуваш. Чуваши и марийцы как-то уже совсем обрусели и ни по виду, ни по акценту от русских не отличаются, и фамилии у них русские.

Я включал компрессор, и воздух под мощным давлением наполнял баллон через хлипкую трубку. Манометр дребезжал. Чтобы не терять времени, я не особенно заботился о безопасности.

– А может сорваться? – неожиданно спросил Михайлов.

– Конечно, – ответил я.

– Как ты здесь работаешь?.. Я бы не смог...

Я посмотрел в лицо Михайлова. Тогда я не понял этого выражения.

Наверное, я увидел пустоту, тоску, что ли, отрешённость. Я слышал о предчувствии смерти, и после гибели Михайлова сразу вспомнил его глаза. Да... было опасно – слетевший набалдашник штуцера запросто проломит голову, и нам доводили подобные случаи. Но что ли, ментальность у нас такая – не всегда я отходил от компрессора при забивке. А сколько людей загибалось в этой злополучной ракетной дивизии: то током кого-то шибанёт, то деревом привалит, не говоря уже об издержках дедовщины...

Мы погрузили в шишигу баллоны. Михайлову не хотелось ехать ночью и в дождь, он нервно сжимал тонкими пальцами окурочек и тянул время: «Ну, давай»...

Через неделю я, как сержант, заступал в наряд по столовой, помощником дежурного. После обеда мы пошли в санчасть. Санинструктор вышел на крылечко: «Жалобы на здоровье есть?» – «Нет». В части наряд получил подменку и завалился спать: перед заступлением положен сон.

Михайлов был в этом наряде по столовой. К нему из Чебоксар приехала мать, он не стал отдыхать, а пошёл к ней на КПП. От наряда его никто не освободил.

В мои обязанности входило привести людей в столовую, проверить, все ли на месте. Ещё я получал на наряд дохлые шайбы масла. Солдаты заступали в столовую десятки раз, почти через день: прекрасно знали, что им делать и без моего руководства.

Михайлов стоял на мойке посуды. После ужина пришёл наконец прапорщик – дежурный по столовой. Он обнаружил, что Михайлов пьян, схватил его за шиворот и поволок в казарму, к ответственному по части.

Майору Бубуку новые звезды не светили, он готовился к пенсии, имел квартиру, строил дачу за городом и мечтал крепко обосноваться на марийской земле. Майор проявил только

необходимую строгость должностного лица. Он снял разгильдяя с наряда, а так как тот начал буянить и попытался куда-то убежать, приказал старшему сержанту Плющу закрыть его в сушилке для протрезвления. Трезвеют обычно в прохладных помещениях, но в казарме такого, да ещё чтобы закрывалось на замок, не оказалось.

Плющ связал для надёжности руки Михайлову брючным ремнём, для порядка дал в зубы и закрыл в сушилке. Ночью Михайлов развязался и на этом же ремне повесился.

Военная прокуратура проводила расследование. Из кабинета, занятого следователем с погонами капитана, выходили раздражённые офицеры – все неприятности на их голову сыпались из-за бестолковых бойцов, которым почему-то не живётся спокойно.

Солдаты ждали очереди, не скрывая оживления, – они получили хоть какое-то развлечение, радовались возможности отдохнуть от нудных работ на территории и в боксах.

Старослужащим, а особенно сержантам, пришлось туго. И так всегда красная рожа Плюща сделалась малиновой от переживаний: следователь допрашивал его особенно тщательно и заставил писать объяснительную по случаю неуместного рвения в службе – под дембель наклёвывалась статья «неуставные взаимоотношения». «Ну не сволочь этот Михайлов?!»

Я тоже подробно рассказывал о том, как личный состав наряда якобы готовился к службе: по уставу и под чутким руководством товарища прапорщика (конечно, нас успели проинструктировать). Похожий на гестаповца следователь вкрадчиво советовал мне не врать, посмотрел пронзительно и задал вопрос: «Почему солдаты не подшили подменное обмундирование?» Я ответил, что за два года службы ни разу не видел, чтобы в армии подшивали подменку, и с тем был отпущен.

Капитан юстиции нервничал: ни одной зацепки в таком, казалось, простом деле.

Изучение найденной под сиденьем шишиги пачки писем от девушки не внесло ясности. Девушка не писала о расставании, о том, что нашла другого и выходит замуж. Она ждала Михайлова и скучала.

Приезжала мать, деревенская матрона, и слёзно клялась, что «ничего такого» не говорила и девочку она знает – хорошая девочка.

В части Михайлова не били, он уже отслужил год, в расположении появлялся редко, больше времени проводил в разъездах и в автопарке, на продажах бензина не попадался, за машиной следил.

Выяснилось, что мать Михайлова, когда навещала сына, сунула ему по материнской доброте бутылку водки; что распил он её в автопарке с земляком, водителем из ТРБ, и потом добавил в расположении одеколоном. Но мало ли кто напивается, – солдат уж при каждом удобном случае.

Причина, по которой нормальный боец взял вдруг и повесился, даже в пьяном состоянии, отсутствовала.

Когда дневальные сняли тело с петли, сержант Кудинов пытался оживить труп искусственным дыханием и сломал два ребра. Да ещё след от зуботычины Плюща... Короче, комитет солдатских матерей поднял шум. Впечатлительные женщины твёрдо уверились в том, что Михайлова убили, а потом инсценировали самоповешение. Что-то вышло в прессе об издевательствах «дедов» и пособниках убийц в офицерских погонах. Бубуку в послужной лист вписали неполное служебное соответствие, командиру части объявили выговор.

В день, когда лейтенант Толстолужский повёз гроб в Чебоксары, тоже шёл дождь. Я забивал баллоны в компрессорной и вспоминал взгляд Михайлова за неделю до смерти. «Ну, давай», – сказал он мне тогда, машинально выронил потухший окурочок, хлопнул дверью и растворился в ночи под вой мотора.

Глава 8 КАПРАЛ-ШЕФ

*Eins, zwei, Polizei,
Drei, vier, Grenadier.
Fünf, sechs, alte Hex,
Sieben, acht, gute Nacht...*

С руками за спину, в белой фуражке легионера и камуфляже под джунгли, перед строем прохаживается капрал-шеф⁸, ветеран 13-й полубригады. Суетливые французы выбегают из казармы, застёгивая синие мастерки на ходу.

Капрал-шеф негромко ругается по-немецки: «шайзе...»

Прохаживаясь перед строем вот уже девять минут, он мысленно махнул рукой на этих недоумков – французов.

Русские давно стоят, один к одному. Это крепкие парни. Они не ёжатся от холода, как французы. Капрал-шеф взглянул на русских одобрительно: «Гутэ зольдатэн!» Ему скучно прохаживаться и ждать доходяг-французов. Ему хочется поговорить с русскими.

Поправив белую фуражку, капрал-шеф подходит к строю. Обращается к левифланговому волонтеру:

- Насьоналите?
- Русский.
- Спецназ?
- ВВ, внутренние войска.
- А... Спецназ!

Капрал-шеф идёт дальше:

- Насьоналите?
- Русский.
- Насьоналите?
- Русский.
- Насьоналите?
- Русский.
- Спецназ?
- Артиллерия.
- Спецназ...
- Насьоналите?
- Украина.

Капрал-шеф задумался. Он расправляет морщины под козырьком фуражки. Махнул рукой: – Русский!

- Насьоналите?
- Эстония.
- ...Э-э... Русский!

Следующим стоит сенегальский негр.

- Русский?
- Но-но...

Русские валяются от смеха. Капрал-шеф оборачивается к ним с улыбкой на тонких губах. Последние французы выбежали из казармы и стали в строй.

⁸ См.: Примечания.

Капрал-шеф обводит строй взглядом. Строго смотрит на опоздавших. Строй замирает. Капрал-шеф поворачивает строй французской командой и французской командой, с выдержкой, командует: «Ан аван... марш!»

Волонтёры идут в черноту самого раннего утра. Подъём здесь в четыре. Русские идут, а сонные французы бредут. Вдруг капрал-шеф командует по-русски: «Стой!» Русские останавливаются, они улыбаются. Французы налетают на их спины. Капрал-шеф приводит строй в порядок, делает внушение французам. Миша Кудинов (здесь он Курский) переводит своим: «...Я говорю русским на французском... они понимают... Я говорю на русском... они понимают... Я вам говорю на французском – вы не понимаете... Говорю на русском – вы не понимаете...»

Строй огибает крыло форта. «Альт!.. Дэми тур а друат!» Строй поворачивается направо. «Рэпо». Капрал-шеф взбегаёт по ступенькам, стучит в дверь. Окна столовой черны. Наконец вспыхивает свет в прихожей. Доносится ворчанье повара, капрал-шефа впускают. Волонтёры негромко переговариваются...

– Капораль-шеф!.. Капрал идёт...

Капрал-шеф сходит по ступенькам. Улыбается, объясняет для русских: – Мадмуазель дормир, – приложил руки к уху, – капораль-шеф трэ нэрвоз.

Миша переводит: «Мадмуазель спит, капрал-шеф (повар) очень нервный». Русские смеются.

«Гард а ву!.. Дэми тур а друат!.. Ан аван... марш!» – командует капрал-шеф, и волонтёры идут обратно. Они рассядутся в классе, с автоматом с напитками и пепельницей из старой французской каски, чтобы прийти позже. Раз мадмуазель дормир. Мадмуазель – вольнонаёмная помощница повара. Для француженки это очень даже интересная блондинка.

Белая фуражка капрал-шефа плывёт в темноте. Он шагает справа впереди, с руками, заложенными за спину. Полукеды волонтёров дают только мягкий звук – издали это как шелест мокрой листвы. Спит старый форт и деревья. Утром здесь пахнет сыростью и красным вином.

Вдруг капрал-шеф останавливается: «Стой!» Оборачивается. Машет вперёд рукой: «Айн-цвай, полицай!»⁹

Русские весело берут шаг. Французы в недоумении поспевают за ними.

⁹ Слова из популярного в 90-е немецкого шлягера.

Глава 9 СЕРЁЖКИ

Просчёт

Директриса бралась за крашеную голову и курила импортные сигареты.

Это был просчёт. Она сгустила краски, вместо того чтобы их разбавить. Попалась как девочка... Но сколько нервов вымотал этот моральный урод! Один, как полшколы в колонии для несовершеннолетних... А нервы не восстанавливаются... И потом... Она ведь была уверена, что, когда Сенчина не возьмут в ПТУ, он с радостью пойдёт на все четыре стороны и очень скоро окажется в тюрьме, которая по нему плачет.

Но Сенчин, в тёмно-синем костюме и чёрном галстуке на резинке, стоял в её кабинете с заявлением, написанным мамой-пенсионеркой. И она не имела права его не принять в девятый класс!

Она готова была написать ему отличную характеристику! Взять его за руку и лично отвезти в престижное ПТУ №28, где готовили автослесарей и где у неё был знакомый директор.

Но Сенчин был непреклонен. Он преобразился вдруг. Ты посмотри на него!.. Он же издевается!.. Спокойный какой... Будто не его судьба здесь сейчас решается в её кабинете, а самый ничтожный обычный вопрос!.. Он нагло заявляет, что намерен после школы поступать в Литературный институт имени Максима Горького! И не хочет терять один год в ПТУ, несмотря на то, что очень любит ремонтировать автомобили... Хам!

И тут до неё доходит... Он сделал её!.. Обвёл вокруг пальца, как десятиклассницу. Её! С тридцатилетним стажем работы! И сделать ничего нельзя. И Сенчина зачисляются в девятый-бэ класс.

Преподаватели пьют валерьянку в учительской.

Объяснительная

В старших классах Сенчин не срывал уроки. Сидел на последней парте и рисовал рыцарей.

Ну и пусть себе рисует. И слава богу! Лишь бы рот не открывал!

Преподаватели вздохнули с облегчением и сплюнули по три раза, чтоб не сглазить. Они решили ни о чём не спрашивать Сенчина. Упаси бог вызвать к доске! А тихонечко выводили ему тройки по итогам четверти.

Литературу вместо строгой Лидии Михайловны у нас стала вести добрая пожилая Елена Сергеевна. Она интересно рассказывала нам о героях романа «Война и мир», а оригинальное сочинение Сенчина про любовь Наташи Ростовской и поручика Ржевского спрятала от греха подальше.

Поэтому Сенчин как будущий литератор смог проявить себя только в жанре объяснительной записки. Здесь он развернулся и показал способности к крупным жанровым формам.

*Директрисе средней школы №18
Костиковой Ирине Николаевне
от ученика 9 Б класса
Романа Сенчина*

Объяснительная

17 сентября 1987 года в 10 часов 05 минут мы с Военруком Шацким вошли из главного входа средней школы №18 и пришли на остановку имени Космонавта Гагарина ровно в 10 часов 16 минут, чтобы успеть.

Всё время приезжали троллейбусы с разными номерами. В 10 часов 17 минут приехал троллейбус синего цвета с номером 2. Военрук Шацкий быстро запрыгнул в него и уехал. Мы тоже хотели запрыгнуть, но не смогли поместиться.

В 10 часов 24 минуты приехал троллейбус красного цвета с номером 3, но мы в нём не поехали, потому что хотели поехать в троллейбусе синего цвета с номером 2, как Военрук Шацкий.

В 10 часов 29 минут приехал троллейбус синего цвета с номером 6, но мы в нём не поехали, потому что хотели поехать в троллейбусе синего цвета, но с номером 2.

В 10 часов 38 минут приехал троллейбус красного цвета с номером 2. Я сказал: «Ребята, может быть нам всё же стоит поехать в этом троллейбусе, так как я видел, что в точно таком же троллейбусе, но синего цвета поехал Военрук Шацкий?» Ребята сказали: «Правильно ты говоришь, Роман, мы все хорошо видели, что Военрук Шацкий поехал в точно таком же троллейбусе, а цвет для нас не играет такой уж большой роли».

Тогда мы, не медля ни секунды, чтобы успеть, зашли в троллейбус и стали ехать, но пассажиры стали громко материться. Я сказал пассажирам: «Как вам не стыдно громко материться?» А они продолжали материться нецензурными словами. Тогда я сказал: «Ребята, давайте выйдем из этого троллейбуса, чтобы не слышать матерной брани». Ребята сказали: «Правильно ты говоришь, Роман, матерная брань может повлиять на наш моральный облик».

Мы вышли из этого троллейбуса красного цвета с номером 2 на остановке имени Кавалериста Ворошилова ровно в 10 часов 47 минут. Всё время приезжали троллейбусы с разными номерами и разного цвета.

В 11 часов 03 минуты приехал троллейбус жёлтого цвета с номером 9, но мы в нём не поехали, так как хотели поехать в троллейбусе с номером 2 или синего, или хотя бы красного цвета...

Очень много страниц было в этой подробной объяснительной. Заканчивалась она так:

«...и быстро пришли в военкомат Красногвардейского района ровно в 15 часов 59 минут.

В военкомате нам очень обрадовались и сказали, что мы пришли поздно, так как медицинская комиссия закончилась. Тогда я взял шариковую ручку и написал одному прапорицику заявление, чтобы меня направили в Демократическую республику Афганистан для выполнения интернационального долга. Прапорицик меня похвалил и сказал, что мне надо быть комсомольцем и подавать пример всем ребятам из нашей школы.

Прошу принять меня в Комсомол, так как я хочу быть в передовом авангарде советской молодежи».

Экзамены

В нашей школе не ставили двоек на выпускных экзаменах, чтобы не портить показатели успеваемости. Сенчин отлично это знал и не суетился.

Когда ему в дверь позвонила наша классная руководительница Элеонора Зиновьевна Барсукова, он был одет в просторные семейные трусы с яркими цветами.

– Ты ещё здесь!.. Одевайся!.. Немедленно!.. Экзамен заканчивается!..

– Экзамен?.. Я думал, завтра...

– Ты мне!.. Ты у меня!..

– Элеонора Зиновьевна! Вы лучше всё это не говорите, а скажите – какой сегодня экзамен?

– История!

Класс. Яркий гудящий свет люминесцентных ламп. Приёмная комиссия пьёт минеральную воду.

– Угольников! Подними голову из-под парты!.. Что у тебя там?!..

Директриса рыщет взглядом по классу.

- Сенчин, и этот билет не знаешь?
- Нет.
- Ладно, тяни какой хочешь.
- Ирина Николаевна, я все хочу, но ни одного не знаю.
- Угольников (громким шёпотом): «Бери двадцать третий. Он лёгкий».
- Угольников! Последнее замечание... Сенчин??
- Двадцать третий хочу!
- Бери двадцать третий...
- Ирка!.. Ирка!!
- Чего тебе?
- Шпору давай!
- Какую шпору?.. У меня нету.
- А зачем ты мне этот билет подсунула?
- Он лёгкий.
- Какой лёгкий!..
- Всё! Сенчин, иди отвечай!
- Какой у тебя первый вопрос?
- Сталинградская битва.
- Очень хорошо. Рассказывай.
- Наши Сталинград отстояли.
- Правильно!.. А покажи на карте – где проходила Сталинградская битва.
- Сталинградская битва проходила здесь, – Сенчин захватывает указкой Белоруссию, Казахстан и районы Западной Сибири.
- Хорошо... А каких героев ты знаешь, которые участвовали в этой битве? Обороняли дом, например.
- Зоя Космодемьянская, Олег Кошевой, Павлик Морозов, Павка Корчагин...
- Достаточно! Переходи ко второму вопросу.
- Советско-японская война 1945 года.
- Рассказывай.
- В Советско-японскую войну тысяча девятьсот сорок пятого года наиболее героически сражался крейсер «Варяг». Советские моряки бились до последнего патрона и потопили много вражеских кораблей. Но силы были не равными. Тогда... чтобы крейсер «Варяг» не достался врагу, моряки сами потопили его и все погибли. Отважный капитан Врубель утонул последним¹⁰. Он стоял у штурвала и пел песню: «Врагу не сдаётся мой славный „Варяг“...»
- Подожди, подожди... Врубель... Ты, наверное, путаешь с Русско-японской войной девятьсот четвёртого-пятого годов? А у тебя Советско-японская. После победы над фашистской Германией...
- Вы правы, Ирина Николаевна!.. Американцы сбросили атомную бомбу, наши пошли в наступление, и Япония сдалась.
- Роман, стихотворение Пушкина знаете?
- Нет.
- Может быть, Лермонтова?
- Нет... Есенина знаю.
- Идите, рассказывайте.
- Клён ты мой опавший, клён заледенелый, что стоишь, нагнувшись, под метелью белой... – Сенчин начинает вяло, но набирает интонацию. – Или что увидел? Или что услышал? Слово за деревню погулять ты вышел. И, как пьяный сторож, выйдя на дорогу, утонул

¹⁰ См.: Примечания.

в сугробе, приморозил ногу. Ах, и сам я нынче, что-то стал нестойким. Не дойду до дома с дружеской попойки. Там вон встретил вербу, там сосну приметил. Распевал им песни под метель о лете...

Заходит директриса: «Сидоров! Не вертись!.. Угольников!..» Садится рядом с Еленой Сергеевной.

Сенчин сбивается, но продолжает:

– ...Сам себе казался, я таким же клёном. Только не опавшим, а всю зелёным...

– Достаточно, Сенчин. Как ты понимаешь смысл этого стихотворения?.. Что хотел донести до нас поэт?

– ...Ну, идёт пьяный человек по деревне, песни поёт. И его от дерева к дереву бросает. Вокруг метель. А вместо деревьев ему мерещатся женщины. В смысле, он хочет...

– Сенчин! А может быть поэт, прежде всего! хотел показать нам таинства природы? Её красоту?

– Ирина Николаевна! Вы меня натолкнули на очень важную мысль!.. Поэт хотел показать таинства природы... Вы видите эти стройные тополя у школы?.. Это мы посадили в первом классе!.. Они были маленькие – как кустики. Но прошло десять лет. И они выросли. А кто бы мог подумать?.. А потом мы участвовали в субботниках, чтобы облагородить зелёную растительность нашей школы. И когда я вижу, что идёт маленький мальчик и бросает бычок, я говорю: «Мальчик! сейчас же подними бычок...»

В классе как на концерте Геннадия Хазанова. Елена Сергеевна прячет грустную улыбку. Директриса вскакивает:

– Всё! Хватит!

Садится:

– Три... Елена Сергеевна... Сенчин, ты кем хочешь стать после школы?

– Космонавтом.

– Тебе нужно стать клоуном!

– Хорошо. Я стану клоуном.

В кафе «Лотос»

На нашем столике импортное пиво в маленьких бутылочках. Симпатичная девушка зевает, не прикрываясь рукой. Жарко и очень светло. Сенчин рассказывает:

– ...Я ж, блин, курсы закончил от военкомата. Сидим. Майор с непонятными петлицами: «Нужно два водителя». А я на первом ряду как раз. «Я!» – как в фильме про Шурика... Везут... Там команда человек пятнадцать. Я говорю: «Куда нас, тарих майор?» – «Да здесь, недалеко»... Привозят в аэропорт.

Я смеюсь. Девушка зевает. Сенчин пьёт пиво.

– Прилетаем в город Омск.

Стройбат. Рота операторов башенного крана... Я говорю: «А как же водители?» – «Какие нахрен водители! У нас строительные войска, а не автодорожные».

Я смеюсь, как в школе на выпускных экзаменах. Девушка ёрзает на пластмассовом стуле и говорит: «Блин! Ты б чё-нить другое хоть раз рассказал – для разнообразия». Но Сенчин не обращает внимания. И не до смеха постепенно становится.

– ...Пехота. Краснопогонники. ЗаБВО. Восемь километров от монгольской границы – пограничники-блин... Комары – что у нас тараканы размером. И ни одной русской морды!.. Кроме двух тормозов из Москвы... У нас-блин, в стройбате, и то чурок меньше было... Один, правда, русский был нормальный, и тот хохол. Сержант. Если бы не он – вообще урыли б там, в мерзлоте этой.

Дедовщины нет. Землячество. Да ещё и устав!.. Ты представь только себе это!.. Я-блин за неделю до дембеля сопку штурмовал с пулемётом наперевес. Вместе с «китайцами» этими... До чего стройбат дерьмовые войска. Я тоже так думал! Пока в пехоту не попал...

Дембель... Пинком под задницу за КПП... Ни парадки. Ни хрена!.. Шинели путевой нет. Шапка – что у сторожа в огороде. Всё убитое... Я на рынке чёрную шапочку себе купил. С шинели погоны спорол. Всю хренотень эту красную. Ремень – на хрен!.. Дубака чуть не дал там... Зубы – что у лошади стучали. Ни вшивника гражданского, ни хрена – пэша¹¹ одно только... И так и ехал – представь. Видон!.. того рот... Менты доставали всю дорогу... Явился: «Не горюй, маманя, я ваш сыночек. Выгнали из армии – принимайте». Суки!!!

Темнеет незаметно. Забытый пьяный человек уснул за соседним столиком. Официантка уносит пластмассовые стулья.

Рассказы

Под полками с книгами стоит пианино фирмы «J.Becker». Секретер. Комод. Трельяж. Шкафчики. Ящички. Всё очень старое. Из дерева под тёмным облезшим лаком. Фотография в рамке. Рядом с лихим кавалерийским корнетом молодая женщина со сдержанно-красивым лицом. Картонная основа. Внизу надпись – «Warszawa-Praga Targowa 44».

Портреты Баратынского и Тютчева на стенах. Спёртый воздух. Заметно неряшливо и пыльно. Очень тесно.

Елена Сергеевна вздрагивает от звонка. Поднимается с дивана. Неуверенно подходит к двери и смотрит в глазок: «Кто это?»

– Это я, Елена Сергеевна, Сенчин Роман. Ваш ученик бывший.

Он принёс ей свои рассказы. Она ставит чайник на кухне.

– Я всегда верила в тебя, Роман.

– Я ведь плохо учился, Елена Сергеевна...

– Ну так что же... У тебя всегда был талант... Даже вот здесь... Постой.

Она нашла тетрадку. И Роман прочёл своё сочинение про любовь Наташи Ростовской и поручика Ржевского.

Он опускает глаза от стыда, а Елена Сергеевна читает рассказы и плачет.

– Тебе нужно учиться... Обязательно нужно учиться... И нужно в Москву.

– Спасибо вам... Я пойду... Вам, наверное, отдыхать пора... засиделся.

На следующий день она продала серёжки красивой женщины с фотографии и отдала ему все вырученные деньги.

«...На первое время... Отдашь... Конечно, отдашь... Потом... Когда сможешь... Одиноким старухам не нужны серёжки, Рома...»

Пожилая женщина в шерстяном платке и пальто долго шла по перрону рядом с уходившим поездом. ...Верю... Я верю в тебя... Вагоны сильно стучали на рельсовых стыках.

¹¹ Значения слов из армейского сленга и военных терминов смотрите в словаре в конце книги.

Часть вторая ∞∞ ЧЕЧЕНСКИЕ РАССКАЗЫ Кудинов

Глава 1 НОРМАЛЬНЫЙ

В канцелярии второго батальона писарь Лена Халяпина заполняла ротный журнал. Слева от неё на стуле томился лейтенант Кудинов, три дня назад устроившийся в полк.

– ...Там намного лучше... – говорила Лена.

– Где там?.. – Кудинов брал из книжного шкафа чью-то фуражку и пробовал ногтем прочность крепления орла к тулье.

– В ГУВД...

«От школьной программы вернулась к мужу», – соображал Кудинов и спрашивал, чтобы что-то спросить:

– Он там тоже на майорской должности?

– На капитанской... Не карьерист он у меня, видишь... Дурные вы все, мужики... Ты только пить не начинай – сопьёшься.

– Почему сопьюсь?

– А здесь все спиваются. Которые нормальные.

– А я нормальный?

– Нормальный... Видишь, видно по тебе...

Болтливая писарша отставляла журнал, смотрелась в зеркальце, пудрилась, подкрашивала губы: «Личико на мордочке нарисую...» Рассказывала то о математичке, замучившей сына математикой, то об удивительных ценах в Белоруссии. Вспоминала былую службу.

Начинала служить Лена с мужем на зоне. Когда ещё полк был конвойным. И там было хорошо.

– А здесь?..

– А что здесь?.. Здесь цирк бесплатный. Только никому не весело почему-то... Сам увидишь... Зря ты сюда пришёл.

В окно пробивались приглушённые команды. На плацу строился жидкими батальонными, дивизионной и ротными колоннами полк. От январского воздуха из форточки хотелось поёживаться. Но всё равно было душно.

– Командир полка у нас дикорастущий, – продолжала Лена.

– В смысле?.. какой?..

– Видишь, молодой-прыткий, с лапой наверху. Из академии к нам прибыл... Дикорастущий, потому что растёт, как баобаб, – карьерист. Здесь быстренько всё завалит, пойдёт на повышение. Там всё завалит...

– Он в Чечне сейчас?

– Приехал... На выходных. Скоро появится...

– А ротный был в Чечне?

– Борисенко?.. Зачем ему там быть?.. Ему и здесь хорошо. Он у нас с бойцов капусту стриждёт¹². Они сейчас с выезда богатенькие буратинки... Видишь, уже машину купил...

Резко открылась дверь (Кудинов вздрогнул). Зашла женщина в камуфляже:

– Ты слышала?.. Боец погиб на выезде...

¹² См.: Примечания.

– Откуда?

– Из третьего батальона.

– А-а... Это не наш... Чай будешь из термоса?..

Кудинов бросил на голову шапку, взял бушлат.

– Ты куда?.. Борисенко сейчас придёт с построения.

– Сейчас прииду...

Застёгиваясь, Кудинов посмотрел на себя в зеркало в бытовом уголке, выровнял на голове новенькую шапку.

В расположении на заправленных кроватях лежали солдаты – человек пять или шесть. Один какой-то заморенный солдат сидел на табурете и иголкой с ниткой на всю длину руки подшивал подворотничок.

«Не наш... богатенький... из третьего батальона буратинка...» – бормотал Кудинов, идя по узкому коридору, мимо туалета, душевой, потом мимо поста дежурного и помещения столовой.

У КПП дневальные скрежетали лопатами – счищали с асфальта мокрый пепельный снег. Прошёл строй солдат, с автоматами, в бронежилетах и в касках, нахлобученных на шапки. Старший лейтенант покрикивал: «Подтянись... Савельев!.. Ногу взяли!..» Открывали ворота. В них с визгом въехал уазик, выкрашенный в милицейские цвета.

Отдав честь какому-то подполковнику, Кудинов вышел за КПП.

В кафе-закусочной он взял кружку пива. Подумал и попросил пятьдесят грамм водки. Есть не хотелось.

Здесь не было кондиционера, была открыта дверь. Играла блатная музыка. Пьяный майор, дымя сигаретой, говорил, что на «боевые» нужно брать не машину, а дачу без прописки: «Обязательно дачу, а не квартиру!» С ним соглашался капитан: квартиру могут и так дать – всякое бывает. Другой капитан, в зимнем камуфляже, отстаивал машину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.